ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

БОБ ВУДВОРД

ПРИЗНАНИЕ ШЕФА РАЗВЕДКИ

ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ ЦРУ В ИРАНЕ И АФГАНИСТАНЕ

«Основываясь на сотнях инсайдерских источников и засекреченных документах, автор открывает перед нами внутреннюю кухню ЦРУ — крупнейшей и наиболее сложной разведывательной структуры в мире, рассказывая о её сотрудниках и тайных связях по всему земному шару».

Amazon.com

Искусство разведки

Боб Вудворд

Признание шефа разведки. Тайные войны ЦРУ в Иране и Афганистане

«Алисторус»
1987

УДК 355.40
ББК 68.23-2

Вудворд Б.

Признание шефа разведки. Тайные войны ЦРУ в Иране и Афганистане / Б. Вудворд — «Алисторус», 1987 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-293-4

«У Боба Вудворда необыкновенная способность заставлять ответственных взрослых людей выкладывать ему все начистоту... Его способность заставлять людей говорить о вещих, о которых им не следовало бы говорить, просто экстраординарные и могут быть уникальными» - Роберт Гейтс, бывший директор ЦРУ и министр обороны США. Легендарный американский журналист Боб Вудворд раскрывает тайны американской разведки в своем бестселлере «Признание шефа разведки». Для подготовки книги автор провел масштабное расследование, взяв интервью у более чем 250 сотрудников Центрального разведывательного управления США, включая легендарного директора ЦРУ Уильяма Кейси, занимавшего эту должность в период с 1981 по 1987 год. Последняя встреча автора с Кейси состоялась буквально за считанные дни до кончины последнего. Высокопоставленный чиновник заранее осознавал приближение смерти и решил раскрыть некоторые секреты американских спецслужб. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.40
ББК 68.23-2

ISBN 978-5-00269-293-4

© Вудворд Б., 1987
© Алисторус, 1987

Содержание

Вступление 7
Глава 1 16
Глава 2 32
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Боб Вудворд
Признание шефа разведки. Тайные войны ЦРУ в Иране и Афганистане

ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

Серия «Искусство разведки»

издательство РОДИНА

© Лесничий, В. И., перевод, 2026.
© Миров В. А., перевод, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026.

Вступление

Директора центральной разведки адмирала Стэнсфилда Тэрнера разбудил будильник. Он не любил вставать рано и в этот четверг, 20 ноября 1980 г., поставил будильник на максимально допустимое позднее время, на 7 часов утра.

Шел 383-й день, как пятьдесят два американца были задержаны в качестве заложников. Пленники Тегерана в начале месяца пустили ко дну президентство Джимми Картера. Тэрнеру предстояло в этот день сделать вводный доклад по разведке новому президенту Рональду Рейгану.

В начале года на первом этаже дома Тэрнера было установлено на несколько недель круглосуточное дежурство охраны, после того как Федеральное бюро расследований обнаружило на окраине Вашингтона нескольких иранцев, упражнявшихся в стрельбе по мишеням из дальнобойных винтовок. Но сейчас охрану сняли и в доме все было спокойно.

Тэрнер, пятидесяти шести лет, четрехзвездный адмирал в тставке, находился в расцвете сил. Системный аналитик, «мыслитель» военно-морского флота, окончивший академию ВМС, он всегда старался заглядывать в будущее при рассмотрении крупных проблем. Но он был эмоционален, и сейчас, оказавшись между старым боссом и новым, его обуревали противоречивые чувства.

В первую очередь ему предстояло рассчитать или угадать, когда и как довести до нового президента по-настоящему секретные вопросы, в том числе о потенциально взрывоопасных и рискованных операциях и технике шпионажа. Это – самая что ни на есть квинтэссенция, осадок на дне бочонка, то, что не просочилось в прессу и не стало добычей советской разведки. Передача таких сведений должна произойти с глазу на глаз, без каких-либо свидетелей, пока Рейган не назначит людей, которым он намерен их доверить. Тэрнер не мог разглашать эти вещи в присутствии политических приспешников Рейгана, которые толклись на двух предыдущих брифингах и, как можно ожидать, будут и на сегодняшнем. В одной из наиболее секретных разведывательных операций, о которой Тэрнеру, возможно, придется доложить президенту, своими жизнями постоянно рискуют более сотни человек.

Тэрнеру предстояло также обратить внимание президента на философскую, хотя и в широком смысле этого понятия, проблему столь специфической области деятельности, как соотношение возможностей и иска в шпионаже и подрывных действиях. В этой области президент обещал что-то совсем новое.

Тэрнер хотел бы лучше думать о Рейгане. Он видел в нем какую-то легковесность, налет этакой независимой конгениальности, когда он отмахивался от него, стараясь, видимо, показать, что точно так же отмахивается и от мировых проблем, отделываясь смехом, какой-нибудь голливудской историей или шуткой с привкусом консервативного догматизма. Какой контраст с сугубо серьезными, пристрастными, почти безжалостными допросами, которым Тэрнера подвергал Картер.

Последним вопросом, который предстояло решить Тэрнеру, было его собственное будущее. Ему хотелось довести до Рейгана свою готовность, даже желание остаться на посту директора. Как утверждали Рейган и его республиканцы, Картер настолько закупорил Центральное разведывательное управление, что оно фактически лишилось возможности вести эффективный шпионаж. Республиканцы говорили, что Тэрнер отличался чрезмерной чувствительностью к кампании Картера в области прав человека, что он слишком влюблен в новейшую технологию подглядывания и подслушивания с помощью спутников и электроники, хотя, что и говорить, дело это чистое и сравнительно безопасное. Но уж очень пассивное, поэтому-то Тэрнер и не использует все шансы. В адрес ЦРУ часто звучало слово «ослабленное». Как полагал Тэрнер, он мог бы опровергнуть это, если бы вновь избранный президент выслушал его.

При нем ЦРУ провело несколько операций, которые могли бы покончить со скептицизмом Рональда Рейгана.

Своим главным помощникам Тэрнер говорил: «Рейган не хочет политизировать ведомство и будет следить, чтобы мы были на правильном пути». А их смешили его попытки показать, что он еще директор. Его старый флотский друг Хэрб Хэтью, отставной капитан и начальник отдела ЦРУ по связям с общественностью, считал, что Тэрнеру надо пройти курс лечения реальностью. «Они ни в коем случае не оставят тебя, – говорил ему Хэтью, – ни в коем случае. Они устроили целую кампанию, чтобы выбить у тебя все козыри».

Но Тэрнер упорно держался за свой оптимизм. Иногда это давалось тяжело. Как-то перед самыми президентскими выборами он собрал пятнадцать своих помощников на семинар в Кэмп Пири, на «ферме» – секретном учебном центре ЦРУ в сельской местности штата Вирджиния. Полушутя он предложил провести предварительное тайное голосование. Результат был как ушат холодной воды на голову: за Картера 2, за Рейгана 13. Это почти точно отражало соотношение голосов за и против Рейгана в коллегии выборщиков: 489 на 44.

Утро после выборов было особенно скверным. Коридоры штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли словно были заполнены радостью. Сотрудники, конечно, не высовывались из окон с ликующими криками, но многие восприняли победу Рейгана как парижане День освобождения.

Приняв душ, Тэрнер оделся и присел на несколько минут почитать газеты. Для начала он выбрал еженедельную проповедь «Крисчен сайенс». Он знал, что если не выделит для этого немного времени сейчас, то позже, в течение дня, его уже не будет. Он любил считать себя приобщенным к интеллектуальной ветви христианства – разум и дух превыше всего.

Проповедь на ближайшее воскресенье гласила: «…и со всей силой души твоей скажи своему ближнему, чтобы он пробудился. Отврати взор его от ложной очевидности его ощущений… Смотри в глубь себя…» Тэрнер подумал, что если говорить о нем, то это довольно странный призыв к руководителю самой большой и наиболее изощренной разведывательной службы в мире. Но ведь он сам был свидетелем, какой силой обладают подобные поучения. Его мать пережила 20-е годы, а отец, потеряв на бирже все деньги, покончил с собой. Позднее, когда единственный брат Тэрнера погиб в автомобильной катастрофе, он весь ушел в религию, чтобы как-то противостоять этой неожиданной трагедии и связанной с нею боли. Тогда Тэрнер уверовал, что «ниспосланные испытания – это подтверждение заботы Божьей».

Времени уже не осталось, он поднялся, сознавая, что пренебрегает уроком проповеди, и быстрым шагом (помощники называли его походку «таранящей скоростью») направился вниз на завтрак. Густые седые волосы, слегка развевающиеся от ходьбы, и манеры члена респектабельного «Ротари клуба» делали Тэрнера совсем непохожим на директора ЦРУ.

За завтраком он выпил сок и стакан кипяченой воды с лимоном. Христианское учение не признавало каких-то стимуляторов, поэтому кофе он не пил. Впрочем, Тэрнер не любил сам вкус кофе, даже с мороженым.

На глаза ему попалась «Вашингтон пост». «Как сообщают, Кейси на пути к креслу директора ЦРУ». Тэрнер схватил газету. Он абсолютно ничего не слыхал о таком варианте. Кейси. Да ведь это же Уильям Дж. Кейси, шестидесятисемилетний руководитель избирательной кампании Рейгана. Тэрнер подумал, что такой выбор был бы шагом назад, глубокой ошибкой. Ричард Никсон назначил руководителя своей кампании в 1968 г. Джона Н. Митчела министром юстиции. Значит, в этом году политической контрибуцией предвыборной войны становится ЦРУ?

Тэрнер читал дальше: «Кейси работал в Управлении стратегических служб (УСС) – организационном предшественнике ЦРУ – во время Второй мировой войны». Ну и что, подумал Тэрнер, это же все равно что назначить старого адмирала времен Второй мировой войны командующим нынешними военно-морскими силами. УСС, в глазах Тэрнера, было ветхой, устаревшей конструкцией. Пережитки УСС, некоторые его методы и взгляды еще существовали в ЦРУ, но доставляли крупные неприятности Тэрнеру. Люди той поры в ведомстве

были оперативниками, они образовывали какое-то братство ветеранов, своего рода управление внутри управления. В стычках с Белым домом или конгрессом они, случалось, получали подзатыльники, как это было в середине 70-х гг. при расследовании деятельности ЦРУ. Но «старики» (их еще называли «ковбоями») выходили сухими из воды, потому что в них нуждались. Каждому президенту, каждому ДЦР – директору центральной разведки – были нужны эти верные старые оперативники, делающие самую черную работу. Они составляли клуб, который никогда не собирался. Были лошадками, всегда готовыми впрячься в осуществление любой секретной акции. Эти люди могли процветать только в среде, где даже награды и поощрения являлись секретом. Они представляли собой и силу, и слабость ЦРУ. В «Вашингтон пост» говорилось, что Кейси в последние шесть месяцев Второй мировой войны отвечал за заброску шпионов в немецкие армейские тылы. Это было тридцать пять лет назад.

Тэрнер ожидал, что они проявят деликатность и проинформируют его о предстоящей замене, прежде чем это появится в газетах. Впрочем, заметка могла быть и пробным шаром или просто ошибкой. Он даже не слышал о Кейси до начала президентской предвыборной кампании. На своей первой после избрания пресс-конференции Рейган объявил, что Кейси возвращается к своей частной адвокатской практике. И все же… Увольнение, мысль о котором все чаще стала появляться после поражения Картера, укрепила убежденность Тэрнера в том, что именно он вывел ЦРУ из мрачного, бурного периода середины 70-х гг., когда вслед за Вьетнамом и «уотергейтом» пришли крупные встряски, в том числе расследование конгрессом деятельности ЦРУ. Тогда конгресс глубоко копнул тайное прошлое ЦРУ: заговоры с целью убийства руководителей других государств, введение ничего не подозревавшим людям в порядке эксперимента опасных галлюциногенных препаратов, накопление и хранение отравляющих веществ и ядов животных, запрещенных декретом президента, нелегальное вскрытие почтовой корреспонденции, шпионаж за американцами, выступавшими против войны во Вьетнаме. Он вырвал ЦРУ из лап «ковбоев», выступил против того, что он считал извращенным, маниакальным культом секретности, и показал, что это ведомство может эффективно работать и в новых условиях, требовавших строгой отчетности перед комитетами конгресса по разведке, даже по весьма щекотливым операциям. Все операции должны иметь солидную основу в иде согласия и поддержки конгресса. Если бы их смысл и цель стали понятны, то они нашли бы поддержку и у Рейгана, и всего американского народа. Так думал Тэрнер.

За месяц до выборов он неделю работал дома, чтобы, отключившись от повседневной текучки, написать доклад о воем четырехлетием правлении и планах на последующие четыре года. Датированный 17 октября 1980 г., с грифом «Только для ДЦР» набросок в семь страниц представлял собой нечто большее, чем совершенно секретный документ. «Цели и переломный период» – так называлось это сочинение, которое должно было удивить вновь избранного президента и его «команду». Да, у Тэрнера были трудности с осуществлением контроля над некоторыми необузданными порывами «ковбоев» и их сообщников, но в конце концов взял их в руки, а многие из этих старых «мастеров своего дела» ушли сами. Однако существовала другая, более сложная проблема. У ЦРУ поистрепались нервы. Строптивость и одновременно какая-то робость стали часто проявляться в работе оперативного управления, подразделения по шпионажу в полном смысле этого слова. Это была тайная и длинная рука ЦРУ, которая руководила резидентурами и вообще всей разведкой за рубежом, а также осуществляла секретные акции, когда президент санкционировал тайное вмешательство в дела других стран.

Тэрнер несколько раз вносил предложения о проведении ряда новых тайных операций, но каждый раз это управление бастовало. Однажды, по своей инициативе, без консультаций с Белым домом Тэрнер исключительно с целью зондажа направил записку заместителю директора по оперативной работе, в которой интересовался, что можно сделать, чтобы убрать трех зарубежных лидеров, доставлявших неприятности США, – кубинского Фиделя Кастро, иранского аятоллу Хомейни и ливийского Каддафи. Ответ его заместителя был лаконичен: пожа-

луйста, не надо. В этих трех странах нет жизнеспособной оппозиции, по крайней мере ЦРУ неизвестны движения, партии или отдельные фигуры, которых оно могло бы использовать в этом плане. Этой запиской Тэрнер хотел подыскать тайный канал для оказания финансовой помощи либо другой поддержки какой-либо группировке или отдельным лицам в этих трех странах. Покушение как метод было запрещено декретом президента Форда в 1976 г., которого придерживался Картер, и Тэрнер был полностью согласен с этим запретом. Но оперативные работники испугались. Они подумали, что он хочет увлечь их на опасный путь. Тэрнера удивила такая их реакция. Не важно, как и для чего он, Тэрнер, решил изучить данный вопрос, важно, что его заместитель по тайным операциям спасовал.

Сотрудники оперативного управления почувствовали себя неуютно от перспективы вмешательства в дела других стран, хотя в этом и заключалась их работа. Какую-то сумму все-таки передали группе противников Хомейни, находившейся вне Ирана, но эти деньги предназначались для того, чтобы как-то уязвить аятоллу, а в случае антихомейнистской революции установить нужные контакты.

Тэрнер однажды предлагал также оперативному управлению разработать план ограниченной тайной операции, целью которой было бы подыскать в ватемале какое-то количество политиков центристского толка и оказать им помощь, может быть, даже включить некоторых из них в платежную ведомость ЦРУ. В Гватемале процветало политическое насилие, господствовала классическая для Центральной Америки патовая ситуация: правое правительство военных против левых партизан-марксистов. В тот год люди там гибли сотнями. По мнению Тэрнера, это была как раз та ситуация, когда тайная политическая поддержка умеренных послужила бы интересам США.

Реакция оперативного управления была такой, как если бы он предложил пригласить представителей КГБ на утреннюю летучку руководящего состава ЦРУ. Сотрудники управления утверждали, что такая операция поставила бы телегу перед лошадью – ЦРУ перед политикой администрации, в которой далеко не все было ясным. А если человек, которого они подберут на роль лидера умеренных, не сработает? Или если он окажется чудовищем Франкенштейна? Или, допустим, они поставят на ноги такого человека и задействуют его, а президент Картер или какой-либо другой президент решит идти совсем другим путем? Ошибиться так легко. Этот вопль протеста был настолько единодушным, что Тэрнер даже не решился войти со своим предложением в Белый дом. Збигнев Бжезинский, советник по национальной безопасности, почти наверняка поддержал бы любую секретную программу в этом направлении, но Картер, скорее всего, опять пустился бы по волнам колебаний. Для него это было очень характерно – колебания между «жестким» мировоззрением Бжезинского и «мягким» подходом государственного секретаря Сайруса Вэнса. Как-то в частном разговоре Тэрнер назвал Картера «писником»[1].

Однажды Тэрнер изложил свои личные взгляды и соображения в записке, которую озаглавил «Белый дом. Источники конфликтов». Их список был длинным, но большинство проблем так или иначе связывались с советником по национальной безопасности Бжезинским, который, видимо, полагал, что ЦРУ работает только на него. По поводу одной разведывательной ориентировки по контролю над вооружениями, в которой Тэрнер слегка «поддел» Бжезинского, тот сказал ему: «Вы не Верховный суд, не дополнительное ответвление правительства. Вам надо решить, на кого вы работаете».

Бжезинский любил иметь дело с сырым, необработанным материалом разведки. Агентство национальной безопасности (АНБ), которое занималось перехватом зарубежных линий связи, часто снабжало его записями бесед некоторых глав государств или расшифрованными

[1] «Писник» (от английского слова «peace» – мир, пословно «мирник», по аналогии с «битник») – сторонник миролюбивого, или пацифистского, движения на Западе. – *Прим. перев.*

аналитическими донесениями посольств в Вашингтоне, которые направлялись ими своим правительствам. Бжезинский часто спрашивал Тэрнера: «Вы видели перехваченный материал?» Тэрнер понимал, что Бжезинский совершал типичную ошибку молодого аналитика, считая возможным объяснять крупные события отдельными телеграммами или перехваченными материалами. АНБ часто подхватывало сообщения какого-нибудь пустозвона, самоуверенного, но неинформированного официального лица или посла, стремившегося сообщить больше, чем он знал. Под заголовком раздела об АНБ Тэрнер написал: «Анализировать сведения из одного источника опасно».

С Бжезинским, у которого иногда проявлялись замашки настоящего хищника, приходилось вести постоянную борьбу. Однажды на совещании с участием главных заместителей Тэрнера он заявил: «У вас нет ни одного ценного источника в Советском Союзе». На самом деле Тэрнер создал там несколько ценных источников, хотя настоящим, в котором он был уверен, являлся только один. Другие потерялись, а может, просто уничтожены. Тэрнер этого не знал.

В 1977 г. число докладов Тэрнера президенту с трех в неделю было урезано до одного, а затем и одного в две недели… Он винил в этом Бжезинского, который однажды высказал мнение, что его бывшие студенты Колумбийского университета анализировали лучше, чем ЦРУ.

Когда в октябре 1979 г. иранский шах приехал в США на лечение (это было за две недели до захвата американских заложников в Тегеране), Белый дом пожелал, чтобы ЦРУ организовало подслушивание в больничной палате свергнутого правителя. Белый дом хотел знать, что намерен предпринять этот деятельный, но больной раком человек, Тэрнер же утверждал, что шах имеет такие же права, как и американские граждане, и что ЦРУ по закону неправомочно вести разведку на территории США. Но после того как он получил письменное приказание, Тэрнер проглотил обиду и распорядился установить электронные подслушивающие устройства в трех комнатах шахской частной резиденции в городском госпитале Нью-Йорка, хотя и считал это неуместным и ненужным.

Картер и Бжезинскнй рассматривали разведку как инструмент, как своего рода паяльник. Если разведку не использовали для того, чтоб «жучок»[2] был всегда на своем месте, если ЦРУ оказывалось не в состоянии предвидеть будущее, начинался настоящий ад. Тэрнер чувствовал, иногда смутно, иногда совершенно отчетливо, что он изолирован как от своего собственного ведомства, так и от президента, которому служил.

Пытаясь найти подход к новому президенту, Тэрнер передал копию своей записки одному из членов «Переходной команды», которая по поручению администрации изучала дела ЦРУ. Копия вернулась к нему с пометками, предлагавшими круто повернуть работу ведомства в русло антисоветской деятельности и тайных операций. Там, где Тэрнер перечислял положительные стороны деятельности ЦРУ, было нацарапано: «Слишком либерально, боязнь политических стычек». По поводу работы комитетов конгресса по надзору за разведкой и их персонала человек из «команды» Рейгана написал: «Убрать как можно больше леваков». В своей записке Тэрнер указал, что ЦРУ не сможет выдержать «еще один скандал». Приписка от руки гласила: «Климат изменился. Изменится еще больше. Если мы будем действовать на основе боязни, то сделаем очень мало». Там, где Тэрнер указывал на полувоенный характер деятельности ЦРУ, стояли каракули: «Надо перестроить». Ну что ж, желаю успеха, подумал Тэрнер.

Когда Тэрнер позавтракал, пришел шофер Эннис Браун, чтобы отвезти его к президенту. Он сел на заднее сиденье, где были сложены все поступившие за ночь сообщения. Черный правительственный «олдсмобил» выехал на дорогу № 123 и втерся в утренний поток машин. Браун то влезал в ряд, то выезжал из него, молниеносно и профессионально обходя более тихоходные машины, умело держал скорость, используя каждую возможность для обгона.

---

[2] Жучок (жарг.) – аппарат для подслушивания. – *Прим. перев.*

Сотрудник службы охраны ЦРУ, один из четырех, обеспечивавших безопасность адмирала, сидел впереди с винтовкой, зажатой в коленях. Его взгляд обшаривал дорогу и местность вокруг.

Начинался прекрасный солнечный день, какие часто бывают в это время осени, но пуленепроницаемые стекла «олдсмобиля» были подняты, так что никто в машине не ощущал прелести хорошей погоды. Машина имела и все остальные принадлежности высшего класса безопасности: бронированный кузов и противоминное днище.

Тэрнер вертелся и ерзал на заднем сиденье. Он хотел сосредоточиться на наиболее положительных, наиболее творческих и волевых мероприятиях с максимумом выдумки. Такой далекий от разведки человек, как Рейган, который никогда не занимал какой-либо пост в федеральном ведомстве с полной рабочей неделей, наверняка не имел представления, о чем идет речь. Если Тэрнер хорошо представит план на следующий месяц, то это, может быть, поможет ему сохранить свое место.

Одной из наиболее секретных операций была специальная программа ВМС по контролю, в соответствии с которой американские подводные лодки выслеживали советские, а также вели наблюдение и разведку вокруг Советского Союза, иногда заходя в его территориальные воды, а то и в гавани, что было связано с высокой степенью риска. В эту программу входила также установка сложных электронных звукозаписывающих устройств (их называли «коконы») для перехвата наиболее важных каналов связи среди множества советских подводных кабельных коммуникаций. Это были, пожалуй, самые опасные операции, когда подвергались риску жизни всех людей на борту подлодки – экипажа и спецгруппы АНБ. Такие операции являлись гордостью военно-морского флота, который всегда считался любителем самых дерзких дел. Каждая операция утверждалась лично президентом. Атомная подводная лодка выходила в море, в заданном квадрате устанавливались «коконы», затем она уходила из этого квадрата и выжидала несколько недель. Потом возвращалась в тот же квадрат, чтобы снять пленки с установленного на кабеле записывающего устройства. Пленки доставлялись обратно в АНБ, а полученная таким образом информация поступала только ограниченному кругу лиц в ЦРУ, министерстве обороны и Белом доме. Иногда Тэрнер думал, что эта информация имела побочное значение, очень малое по сравнению с опасностью, с которой она добывалась.

Тем не менее он признавал, что иногда подлодка возвращалась с довольно богатым урожаем сведений о советских вооруженных силах. Одна из немногих операций принесла большое количество информации о Советском Союзе. «Взятка» содержала переговоры советских официальных лиц друг с другом. Как и при других успешных разведывательных операциях, все строилось на ошибках другой стороны. Русские считали, что подводные кабели прослушивать невозможно, и поэтому использовался сравнительно несложный шифровальный код, а иногда обходились и без него.

Еще один проект, под названием «Индиго», представлял собой совершенно секретную систему спутников, еще находящуюся в разработке, которая должна была стать ключевым элементом в проверке соблюдения будущих соглашений с Советским Союзом о контроле над вооружениями. «Индиго», в основе которой лежит принцип радарного изображения, позволит видеть через облака и ночью, когда спутники-фотографы становятся слепыми. Это особенно важно для наблюдения за Восточной Европой, над которой так называемая «дьявольская крыша облаков» может держаться днями и даже неделями.

Наиболее успешные разведывательные акции за границей осуществлялись так называемыми специальными звеньями, отборными группами ЦРУ и АНБ, которые проводили операции по подслушиванию в столицах многих зарубежных стран с использованием новейшей техники. Эти группы совершали чудеса шпионажа, поставляя расшифрованные стенограммы правительственных заседаний на высоком уровне в странах Европы, Среднего Востока и Азии, а также записи телефонных разговоров ведущих политических деятелей. Все это подтверждало

и дополняло информацию кадровых сотрудников ЦРУ, занимавшихся шпионажем под прикрытием посольств США.

В своей записке с грифом «Только для ДЦР» Тэрнер написал: «Необходимо больше заниматься разведкой против союзников и друзей». Как считал Тэрнер, шпионаж против друзей является, конечно, грязным, но необходимым делом. Шах Ирана считался большим другом Соединенных Штатов и ЦРУ, а его внушавшая ужас разведслужба САВАК служила главным информатором об Иране. Он и его ведомство считали Хомейни добрым, мягким престарелым духовником, и только когда он захватил американских заложников, Тэрнер понял, как оплошал. Да, действительно, никто не может удивить так, как друг. С недружественными странами, пожалуй, было легче, тут ЦРУ по крайней мере знало, чего от них можно ожидать.

После вызвавшей шок революции в Иране Тэрнер попытался расширить сеть платных агентов в правительствах и спецслужбах за рубежом, не исключая союзные и дружественные страны. Пример тому – Египет. Действия ЦРУ в этой стране, направленные на защиту Анвара Садата, на упреждение заговоров и покушений на него, позволили с помощью электроники и с использованием подходящих людей получить доступ к равительственным и общественным кругам Египта, лидеру страны. Садат курил наркотики и страдал приступами страха, но Тэрнер не обращал внимания на эти мелочи. Главное, что ЦРУ могло не ожидать сюрпризов от Садата или непредвиденных событий в Египте. Объект находился под надзором.

Из сообщений разведки Тэрнер знал, что наследный принц Саудовской Аравии Фахд сильно пьет, несмотря на строгие запреты ислама. Тэрнер располагал также совершенно секретными донесениями о состоянии здоровья советского лидера Леонида Брежнева, которые были полезными для Белого дома, особенно накануне предстоящих переговоров.

Разведывательные данные по проблеме контроля над вооружениями представляли интерес, АНБ удалось расшифровать кое-какую информацию, передававшуюся с советских ракетных испытательных полигонов. Но данные политической разведки о том, что происходит в Политбюро, высшей инстанции Советского Союза, почти равнялись нулю. Именно в этих данных больше всего нуждались Картер и Бжезинский, а Тэрнер мог здесь мало чем помочь.

За все время работы в ЦРУ Тэрнер ни разу не видел разведывательного донесения, ради которого стоило бы рисковать человеческой жизнью. Тем не менее он требовал все больших результатов. В этом заключалась его работа. Только один раз за четыре года он отклонил предложение о проведении весьма деликатной операции по добыче разведывательной информации за рубежом: она была точным повторением такой же, и успешной, операции в прошлом, и Тэрнер решил, что вторая попытка будет слишком рискованной.

Со всеми этими делами и реальным положением вещей Тэрнеру предстояло ознакомить нового президента в последующие два месяца. Рейгану придется рассмотреть весь план разведывательных операций, оценить, насколько одна соответствует другой, понять ограничивающие их обстоятельства.

Например, в ходе одной из операций намечалось установить на одной из советских военно-воздушных баз в Восточной Европе устройство для сбора данных о новом типе радара. База располагалась по соседству с парком, который служил местом воскресных пикников. Поэтому устройство было замаскировано под ветку дерева, покрыто соответствующей корой и хорошо вписывалось в местность. Агенту предстояло только приехать в одно из воскресений в парк, перелезть через забор, отделяющий его от территории базы, вскарабкаться на дерево и закрепить устройство. Но операцию пришлось отложить, так как единственный специалист ЦРУ по таким делам не был европейцем и, как посчитали, будет выделяться среди посетителей парка, что поставит под угрозу все мероприятие.

Дело в том, что все операции в большей или меньшей степени зависели от удачи. Слишком много вещей должны были лечь точно на свое место. Возможно, данные о советском радаре

были бы важнее, чем какая-то информация о Политбюро. Но ЦРУ не имело возможности вести слежку во всем мире сразу.

«Юлдсмобил» Тэрнера выехал к Лафайет-парку напротив Белого дома, свернул на площадь Джексона и остановился у дома № 716, кирпичного правительственного особняка, где остановился Рейган. Эта его временная резиденция представляла собой неопределенного вида четырехэтажное здание с солидным возрастом 113 лет. Шесть лет назад вице-президент Нельсон Рокфеллер использовал этот оборудованный системами безопасности дом в качестве штаб-квартиры возглавляемой им комиссии по расследованию деятельности ЦРУ внутри США. Рейган являлся одним из восьми членов комиссии, хотя и не очень активным: он присутствовал только на десяти заседаниях из двадцати шести. Когда был опубликован заключительный доклад комиссии, Рейган выступил в защиту ЦРУ, сказав: «В любом бюрократическом ведомстве с аппаратом около шестнадцати тысяч человек найдутся отдельные лица, которые совершают ошибки и делают то, что им не надо делать». Вскоре после того как Тэрнер вошел в дом, сверху спустился Рейган и тепло поприветствовал его.

Только что избранный президент не проявлял ни робости, ни нетерпения, только естественную любезность. В его свиту входил Джордж Буш, избранный вице-президентом, бывший директор центральной разведки, которого сменил Тэрнер. Главный помощник Рейгана Эдвин Миз, добродушный адвокат, стоял рядом с ним. Присутствовали еще три помощника. И Билл Кейси.

Тэрнер проинформировал их о военном равновесии в Европе и положении в Центральной Америке. Он доложил последние сообщения об обстановке в Польше, в отношении которой Советы, возможно, используют военную силу, чтобы сокрушить независимый профсоюз «Солидарность». Фотографии с разведывательного спутника и материалы перехвата линий связи в таких городах, как Берлин (своеобразная столица мира по сбору разведывательной информации), давали хорошее представление о том, что там происходит.

В разведке присутствует также человеческий фактор, добавил Тэрнер не без умысла.

Кейси поднял голову.

Тэрнера подмывало сообщить, что ЦРУ имеет глубоко внедрившегося шпиона, полковника польского генерального штаба, от которого шел поток разведывательной информации из Варшавы о намерениях польских и советских руководителей. Но не сделал этого. Совершенно секретные сообщения полковника распространялись только по особому списку высшим должностным лицам, которым эти сведения были абсолютно необходимы. Сообщения доставлялись и вручались адресату курьером только лично, в папке с голубой каймой или широкой полосой голубого же цвета, обозначающей, что материал получен от глубоко засекреченного агента. Раньше в Белом доме к папкам с голубой полосой имели доступ только Картер, вице-президент Уолтер Мондейл и Бжезинский. Фамилия полковника – Куклинский – никогда не упоминалась в этих сообщениях. И даже в ЦРУ знали ее очень немногие.

Представляя обзор «горячих точек» планеты, Тэрнер время от времени поглядывал на Кейси. В его личности было что-то безвкусное. Когда он говорил, то глотал слова, его речь напоминала радиопередачу на коротких волнах: сила звука то затухала, то увеличивалась. Каждая прядь его седых волос по краям лысой головы упрямо держалась своего собственного направления – еще одна схожесть с внешностью рассеянного профессора. У него были слишком большие уши, которые даже как-то обвисали. Глубокие морщины спускались с обеих сторон его плоского носа, шли вокруг рта и терялись под представительной нижней челюстью. Казалось, он находился в состоянии смятения или растерянности. И тем не менее Тэрнер чувствовал, что Кейси внимательно слушает его.

После брифинга Кейси подошел к нему. Он как будто немного склонился, когда приветствовал его с несколько преувеличенной, но – Тэрнер это чувствовал – искренней любезностью, высоко подняв локоть и протягивая свою большую пятерню.

– Хэлло, Стэн, – громко сказал Кейси, широко улыбаясь. Затем отвел Тэрнера в сторону.

– Насчет этой истории, что я заступаю вместо тебя, – смешивая слова в кашу, сказал Кейси, – это неправда. Еще ничего не решено. – «Это» не воспринималось как безусловное опровержение «истории». Почувствовав сомнение Тэрнера, Кейси добавил: – Я не рвусь на твое место.

Тэрнер уехал, будучи далеко не уверенным в своем будущем и в будущем ЦРУ. По некоторым признакам, он вылетит, но это еще не точно.

Вечером того же дня Миз через службу Белого дома передал записку для Тэрнера. Миза все считали «гласом божиим» по части назначений на высокие посты в удущей администрации и даже чем-то вроде заместителя избранного президента. Миз сообщал, что это не он дал ход всей этой истории насчет Кейси.

И все-таки у Тэрнера не исчезло предчувствие, что вопрос о назначении Кейси на его место с повестки дня не снят.

Глава 1

Хотя Кейси действительно не рвался на место директора центральной разведки, он предполагал, что Тэрнер может ему и не поверить. Кейси метил на государственного секретаря или министра обороны. С этими двумя постами считаются. Судя по всему, именно они будут инструментами новой внешней и военной политики Рейгана. Но Кейси понимал, что ему, возможно, либо придется согласиться на что-то меньшее, либо остаться ни с чем. Он не принадлежал к калифорнийскому кругу близких друзей избранного президента, а калифорнийцы, ясно, будут иметь власть. Он поздновато присоединился к избирательной кампании Рейгана, и его роль на ее заключительном этапе, по крайней мере теоретически значительная, частично объяснялась случайностью. Он не входил и в число долговременных верных «рейганавтов».

В начале предыдущего, 1979 г. на него как гром среди ясного неба свалился телефонный звонок кандидата в президенты Рейгана с просьбой об оказании поддержки и помощи. Кейси всю жизнь был республиканцем, преданным своей партии. Он занимался адвокатской практикой богача для богатых в своем офисе на Парк-авеню в Нью-Йорке, сколотил миллионы с помощью целой серии весьма рискованных капиталовложений, везения и интуиции в биржевых операциях, а также в результате своей авторской или редакторской деятельности, издав более двух десятков книг о налогах, капиталовложениях и связанном с ними законодательстве. Деньги дали ему свободу и время для занятий его любимой игрой в политику. «Играть» начал в 1940 г. Вначале рядовым добровольцем, затем организатором разных избирательных кампаний, составителем речей для кандидатов и постоянным участником съездов республиканской партии. При президентах Никсоне и Форде он несколько раз занимал руководящие посты в федеральных ведомствах.

Во время того телефонного разговора Кейси сказал Рейгану: «Мне еще слишком рано вступать в вашу избирательную кампанию» – и добавил, что такая его сдержанность в данный момент объясняется не отсутствием симпатии к кандидату. Скорее наоборот.

Он схватил чековую книжку и торопливо выписал тысячу долларов в пользу кандидатуры Рейгана, что он делал и для других подающих надежды республиканских кандидатов. Тысяча долларов была максимальной разрешенной суммой индивидуального взноса в фонд какого-либо кандидата на пост президента. Он поставил на чеке свою подпись почерком, который мог бы служить пародией на правила школьного чистописания, как их преподавали в общеобразовательных школах не слишком богатого нью-йоркского района Куинз, где Кейси учился шесть десятков лет назад. Впрочем, его подпись-пародия скорее создавала впечатление самоуверенности, чем самомнения.

Одноклассники в школе прозвали его «Вулканом». Его жизнь была постоянным стремлением находиться на более выгодной стороне дороги, по которой он шел.

Он научился играть в гольф, будучи мальчиком для подачи мячей на игровых площадках, а сейчас он принадлежал к солидному гольф-клубу.

В 1934–1935 гг. он учился в школе с общественно-благотворительным уклоном при католическом университете. Большинство студентов там составляли священники, монахи и вообще люди с твердыми религиозными убеждениями. Хотя в его годовой школьной ведомости стояло «очень хорошо», Кейси пришел к выводу, что общественная благотворительность является женским занятием, и перешел в юридическую школу. А в этом, 1980 г. он отдал на благотворительные цели через основанный им в 1958 г. фонд сумму, равную годовой зарплате работника в области социального обеспечения, – 21 970 долларов. Он был обыкновенным человеком с необыкновенным богатством.

Кейси считал себя «тяжеловесом», человеком со средствами, человеком дела, который научился искусству продвижения по двум путям: первый – это личное состояние и бизнес, вто-

рой – опыт деятельности в правительственных кругах, различных советах, комиссиях, короче говоря, сфере политики. Он понимал: отчасти все это достигается ценой репутации. Многие считали его нечистоплотным бизнесменом, не упускающим возможности «срезать угол», быстро делавшим большие деньги на счастливых случайностях и бесчисленных дерзких сделках. Его называли магнитом спорных дел.

Он был известен также как хитрый и проницательный игрок на бирже, операции которой он сам когда-то регулировал. Временами он производил впечатление человека, безразличного к критике, привычного к судебным процессам, но в душе Кейси страстно желал, чтобы к нему относились доброжелательно и уважительно.

Со всеми его привязанностями, с его приверженностью к церкви и республиканской партии, с его портфелем акций, наконец, он казался легкоприспособляющимся к идеям, но не к людям. Правда, по отношению к своим друзьям он проявлял полную лояльность. Но Кейси умел продемонстрировать сто разных лиц в сотне различных ситуаций.

Спустя какое-то время Рейган еще раз позвонил Кейси. Одной тысячи долларов ему мало. Он собирался приехать в Нью-Йорк выколачивать деньги для своего фонда на Лонг-Айленде, в районе, где жил Кейси. Рейган хотел бы с ним встретиться. Кейси согласился. Они позавтракали вдвоем в мотеле недалеко от дома Кейси, большого особняка в викторианском стиле.

Полтора часа проговорили о перспективах республиканцев на предстоящих выборах. Кейси слышал, что Рейган не обладает глубоким умом, но, по его мнению, в этой беседе тот проявил познания в экономике и национальной безопасности. Рейган копал неглубоко, но его интуиция в этих вопросах производила серьезное впечатление. Его взгляды совпадали с убеждениями Кейси относительно экономики свободного рынка, необходимости сильной обороны и политики активного антикоммунизма. Рейган был только на два года старше Кейси, так что их объединяла и принадлежность к одному и тому же поколению. Оба вышли из небогатых семей. Кейси привлекала и пестрота профессиональных интересов Рейгана: спортивный комментатор, киноактер, профсоюзный деятель, губернатор штата и, сверх того, представитель консерваторов с большим запасом жизненных сил. В какой-то степени это совпадало с пестротой занятий самого Кейси: юрист, писатель, специалист по шпионажу в Управлении стратегических служб, историк-любитель (сейчас он писал книгу об упомянутом управлении) и правительственный чиновник. Оба они были свидетелями Великой депрессии и четырех войн. Оба получали искреннее удовольствие от хорошо рассказанного анекдота, сопровождаемого здоровым смехом от всего сердца. И что более важно, оба испытывали презрение к Джимми Картеру, а также к тому, что оба считали его слабыми чертами: нерешительность и приступы болезненной, вплоть до заламывания рук, боязливости.

Вскоре Кейси был приглашен в Калифорнию на заседание исполнительного комитета специальной группы по дискуссионным вопросам при Рейгане. Кейси понимал, что это всего лишь брошенная кость, но одновременно это означало и его вовлечение в избирательную кампанию. Он полетел в Калифорнию, посмотрел списки дискуссионных тем, встретился с Мизом и ближайшим другом Рейгана, приятным человеком небольшого роста, которого звали Майкл Дивер.

Через некоторое время Кейси уже говорил своим богатым друзьям-республиканцам, призывая делать взносы в фонд Рейгана: «Прошу прибыть в город и пообедать вместе с Роном и Нэнси Рейган». Если друзья колебались, он добавлял: «Послушайте, вы же не хотите остаться за бортом? Этот парень намерен выиграть. Этот парень будет президентом». Кейси знал, как выколачивать деньги из нью-йоркских республиканцев. Почти не отходя от телефона, он в значительной степени способствовал тому, что к концу 1979 г. в фонде Рейгана набралось 500 тысяч долларов. Когда в начале 1980 г. был уволен руководитель избирательной кампании Джон Сирс, кандидат попросил Кейси занять это место.

Произошло то, ради чего Кейси трудился всю свою жизнь. Политика была его истинной и первой любовью.

На съезде республиканской партии в 1952 г. Кейси, тридцати девяти лет от роду, с прискорбием констатировал, что консервативный сенатор Роберт Тафт потерпел поражение в схватке с Дуайтом Эйзенхауэром за выдвижение кандидатом в президенты. Позже Кейси поделился своими мыслями с двадцатишестилетним Уильямом Бакли-младшим, который уже заявил о себе как о молодом, но подающем надежды консерваторе своей книгой «Бог и человек в Йельском университете». Кейси и Бакли входили в антикоммунистическое, антилиберальное братство Нью-Йорка, очень ограниченный по составу клуб, что-то около пятидесяти членов. Как шутил Бакли, единомышленники с тайным рукопожатием. Тогда Кейси сказал Бакли: «Если бы я руководил кампанией Тафта, то он выиграл бы назначение». Оказывается, Бакли надолго запомнил эти слова. Когда в 1980 г. Рейган позвонил своему другу Бакли и сказал, что он уволил Сирса и назначил на его место Кейси, Бакли был доволен.

По мнению Бакли, Кейси был правоверным республиканцем, знающим свое место, за исключением одного небольшого и простительного отклонения. В 1966 г., два года спустя после сокрушительного поражения Барри Голдуотера[3] в борьбе за президентское кресло, Кейси затеял свою первую и, слава богу, единственную кампанию за избрание на высокий государственный пост. Он решил баллотироваться в конгресс от своего избирательного округа в Лонг-Айленде при поддержке группировки Нельсона Рокфеллера и Джекоба Джевитса в республиканской партии. Однако сторонник Голдуотера Стивен Дероуниэн выиграл эту гонку, и Кейси вернулся на свое место за кулисами, где, по мнению Бакли и многих других республиканцев, ему и надлежало быть.

Став руководителем кампании Рейгана, Кейси решил разобраться в том, какие силы вокруг него являются наиболее влиятельными. Выражение лиц ближайшего окружения четы Рейганов, тон их разговоров, бросаемые ими взгляды, их вкрадчивая уважительность указывали на одну такую силу: Нэнси. Киноактер Джеймс Стюарт как-то заметил: «Если бы Рональд Рейган первый раз женился на Нэнси, то она сделала бы его обладателем «Оскара». Кейси видел, что Нэнси Рейган лучше всех изучила круг интересов своего супруга.

Но поведение крайне правых в окружении кандидата иногда беспокоило Кейси. «Тут вокруг нас есть несколько сумасшедших, а я все-таки член комитета по внешним отношениям», – сказал он как-то одному коллеге из «команды» Рейгана. Он не стал уточнять, что в свое время ему было отказано в членстве в этом комитете. И только после назначения на пост заместителя государственного секретаря в 1973 г. он получил туда приглашение, что его не на шутку взбесило. Кейси так и подмывало выбросить приглашение в унитаз и послать всех к черту, но он сдержал себя и согласился. Все-таки это полезная рекомендация, если на что-то претендовать.

Кое-кто из «команды» Рейгана, а также некоторые журналисты дали Кейси прозвище «Спейси»[4]. Постоянно курсируя между Вашингтоном и Лос-Анджелесом, он отказался от пользования прачечными в обоих этих городах. Иногда он даже не брал с собой в очередную поездку чемодан, и, когда ему была нужна чистая одежда, он просто покупал все новое. Как-то Дивер сидел рядом с ним на каком-то совещании и, почувствовав исходящий от него несвежий запах, сделал вывод, что у Кейси не было времени зайти в универмаг. На следующий день Кейси явился начищенным до блеска, поскольку ему сообщили о его оплошности. Но Дивер понял, что когда Кейси занят делами, то для него больше ничего не существует. Он работал по ночам и в выходные дни. Это была не допускающая никаких отклонений целеустремленность, достойная восхищения.

---

[3] Голдуотер баллотировался от республиканской партии и проиграл демократу Линдону Джонсону. – *Прим. перев.*

[4] От «Space», здесь – место в поезде или самолете. – *Прим. перев.*

За месяц до выборов, в жидании победы Рейгана Кейси создал мало кем замеченную группу советников по внешней политике, отобрав для этого семнадцать именитых экспертов, включая бывшего президента Форда и ряд других видных республиканцев и демократов. Сам он взял на себя роль председателя этой группы, распределяя задания и темы для изучения. Кое-кто подумал, что он сделал это, считая себя потенциальным государственным секретарем. Ведь он в 1973–1974 гг. был заместителем госсекретаря по экономическим вопросам, правда недолго, его выжил бывший тогда главой внешнеполитического ведомства Генри Киссинджер. Кейси не оставил особого следа в деятельности госдепартамента и удостоился только одного поверхностного упоминания в двухтомных мемуарах Киссинджера объемом 2690 страниц. Но тем не менее Кейси включил его в состав группы советников Рейгана.

Группа определила важный вопрос, требовавший, по ее мнению, неотложного внимания принимающей бразды правления администрации. Таковым оказался коммунистический мятеж в крошечной стране Центральной Америки. Кейси решил, что Сальвадор символически является самым важным местом на земном шаре. Если США не смогут справиться с опасностью, возникшей на их задворках, то Рейган рискует потерять доверие к нему во всем мире. Кейси был ошарашен, когда узнал, что ЦРУ закрыло свою резидентуру в Сальвадоре в 1973 г. в целях экономии средств и вновь открыло ее только в 1978 г. Перерыв – пять лет. Как такое могло случиться? Что происходит в ЦРУ? Вроде бы разведка является первой линией обороны. Она ничего не сможет сделать ни для обороны, ни для наступления, если не будет стараться добывать информацию.

На следующий день после доклада Тэрнера Рейган улетел обратно в Калифорнию. Пока он ждал вступления в должность, основной состав «команды» Рейгана приступил к «захвату» столицы. Его консервативные друзья в Калифорнии и других штатах отлично понимали значение этой акции. В интересах Рейгана был организован визит к нему важного гостя из-за границы. Им был полковник Александр де Маранш, руководитель французского эквивалента ЦРУ – СВДК (Служба внешней документации и контрразведки). Маранш являлся известной фигурой в европейских консервативных кругах. Крупного телосложения, аристократ с усами и женой-американкой, он уже десять лет возглавлял СВДК, ведомство, прозванное «плавательным бассейном» за то, что его штаб-квартира находилась рядом с настоящим бассейном на окраине Парижа. Оно играло весьма существенную роль в политике Франции. В кабинете Маранша имелась карта мира, на которой красным цветом было отмечено распространение коммунизма. Небольшие копии этой карты вручались официальным визитерам. Несколько лет назад он вручил такую копию адмиралу Тэрнеру на одной из встреч в рамках официальной миссии по связи между шефами двух разведывательных служб.

Сейчас, направляясь в Калифорнию, Маранш собирался предложить нечто большее, чем раскрашенную карту. Для француза шпионаж являлся исключительно серьезным делом, в котором надо идти даже на большой риск, если хочешь получить хорошую отдачу. Он был невысокого мнения о манере ЦРУ прятать своих агентов за границей под прикрытием дипломатов в американских посольствах. Резиденты ЦРУ и руководящие работники резидентур быстро расшифровывались, что превращало шпионаж в пародию на него. Гораздо эффективнее, хотя и труднее, действовать под прикрытием, скажем, торговца самолетами или какого-либо другого лица, имеющего легкий выход в общество. Настоящий шпионаж означает полный «уход под воду» и требует исключительно больших усилий. Европейские разведслужбы иногда используют журналистское прикрытие, но американцы избегают этого. Свобода слова ставится выше интересов национальной безопасности. Шпионы, выступающие как дипломаты, по мнению Маранша, просто симулянты.

Маранш поговорил с избранным президентом об общих для них обоих принципиальных проблемах консерватизма – угроза коммунизма, опасная слабость в военных и разведывательных вопросах. Но разговор шел в общих чертах.

– Вы не собираетесь дать мне совет? – спросил Рейган. – Сейчас у всех есть советы для меня.

– Я только могу сказать вам о людях, – ответил Маранш. Он превосходно говорил по-английски, знание языков считал обязательным для разведчика. Да, он мог сказать новому президенту о «людях», с которыми ему надо увидеться и с которыми не надо видеться.

– С кем же мне следует увидеться?

Маранш назвал Александра Солженицына. Он, мол, понимает природу советского зла. Рейгану надо увидеться также с Савимби, лидером сопротивления в Анголе, который вел борьбу с коммунизмом в этой ключевой по своему положению стране Юго-Западной Африки. США раньше оказывали Савимби помощь по тайным каналам ЦРУ, но она была прекращена, когда конгресс в 1976 г. принял так называемую поправку Кларка, запрещающую проведение тайных операций в Анголе.

– А кого мне не следует видеть? – спросил Рейган.

– Многих, – ответил Маранш. – Но я назову вам одного, который стоит всех остальных. Арманд Хаммер.

Хаммер был президентом компании «Оксидентал петролеум» и давнишним другом многих советских лидеров. Он являлся символом разрядки.

– Любопытно, – сказал Рейган, – я часто вижу его. Каждый раз, когда я иду в парикмахерскую, он уже там.

– Вот видите, – сказал Маранш. – Вероятно, Хаммер сделал постоянно действующую заявку: каждый раз, когда вы договариваетесь о визите в парикмахерскую Дракера в Беверли Хилз, Хаммер заказывает для себя кресло по соседству[5].

Маранш высказал еще одну мысль: «Не доверяйте ЦРУ. Они несерьезные люди». Шеф французской разведки имел в виду не подземный ход с улицы в здание ЦРУ или ненадежную систему безопасности, из-за чего могла стать возможной утечка секретной информации в газеты. Он подразумевал недостаточную целеустремленность разведывательного ведомства.

Рейган повторил это предостережение Маранша в разговоре с Джорджем Бушем, который возглавлял ЦРУ в 1976–1977 гг. Буш сказал, что это ерунда, но слова «не доверяйте ЦРУ» произвели глубокое впечатление на Рейгана. Буш уже как-то говорил одному своему приятелю из ЦРУ, что, учитывая особый и независимый стиль руководства Рейгана и его неосведомленность в вопросах разведки, важно, чтобы при нем директором ЦРУ был человек, которого он считает близким, которому он полностью доверяет, особенно по части целеустремленности. Теперь, после предостережения Маранша, этот момент приобрел еще большее значение.

Кейси с некоторой тревогой следил за тем, как шел отбор кабинета Рейгана. На каждый пост в правительстве имелись три кандидата, он сам значился одним из кандидатов на посты государственного секретаря и министра обороны. Но не было никого, кто координировал бы весь этот процесс отбора. Просто, как и в ходе предвыборной кампании, существовали отдельные влиятельные лица, которые, впрочем, не имели абсолютного авторитета. Среди них были Миз и ся калифорнийская бригада, а также некоторые подающие надежды личности с большими амбициями. Положение становилось все более запутанным. Рейган наконец принял решение о кандидате на пост государственного секретаря. По его мысли, им должен был стать Джордж Шульц, входивший в правительство при Никсоне и Форде.

Очевидно, полагая, что подготовительная работа уже проведена, Рейган позвонил Шульцу. Но вот что получилось. Шульцу кто-то сказал, будто бы он котируется на пост министра финансов, и, когда с неумышленной неопределенностью президент сказал Шульцу: «Я

[5] Гарри Дракер подтвердил, что Рейган и Хаммер входили в число его постоянных клиентов, но отрицал, что Хаммер когда-либо заказывал кресло рядом с Рейганом. – *Прим. авт.*

заинтересован в том, чтобы вы вошли в мой кабинет», Шульц, полагая, что имеется в виду министерство финансов, отклонил предложение.

Дивер, хотя и присутствовал при этом разговоре, только месяц спустя узнал, что произошло. Если бы Шульц знал, что речь идет о должности государственного секретаря, он бы согласился.

Вторым кандидатом на этот пост, который теперь вышел на передовую позицию, был Александр Хейг, его поддерживала Нэнси Рейган. Как она считала, Хейг обладал всеми качествами «звезды»: приятная внешность, хорошие физические данные, военная выправка, обходительность. Руководящая личность. Кроме того, стало ясно, что созданный Кейси консультативный совет по внешней политике не сможет заполнить пробел в познаниях Рейгана в этой области, и Хейг стал единоличным кандидатом на высший пост в госдепартаменте. Полный «четырехзвездный» генерал, он командовал вооруженными силами НАТО в Европе, имел опыт работы в Белом доме в качестве заместителя Киссинджера и Шефа аппарата сотрудников Никсона.

«Я не получу госсека, – сказал Кейси одному из своих друзей. – Мы все поддержали Хейга. Нам нужен престижный человек».

Ну, а в кресло министра обороны садился Каспар Уайнбергер, старый калифорнийский приятель Рейгана.

Кейси, чувствуя себя обиженным, вернулся в Нью-Йорк, собираясь предаться радостям, которые ему еще остались в жизни. Однако жизнь в Нью-Йорке совсем не была такой захватывающей по сравнению с тем, что происходило в Вашингтоне или Калифорнии, где еще шел отбор кандидатур на оставшиеся посты в правительстве. Кейси связался с Мизом и дал ему понять, что хотел бы войти в состав кабинета, но там почти не осталось мест. Естественной казалась возможность получить пост директора центральной разведки, но ДЦР не входил в состав правительства. Миз, зная о чувстве обиды у Кейси, сказал ему, что пост ДЦР можно легко повысить до правительственного уровня. Они подробно обсудили этот вопрос.

Затем Миз сообщил Диверу, что Билл Кейси хотел бы стать главой ЦРУ.

– Я думаю, это будет ошибкой, – ответил Дивер. – Едва ли нам следует брать на такую работу политического поденщика.

Миз пояснил, что договоренность в общем достигнута. Кейси хороший человек, он знаком с разведывательной работой и заслуживает того, чтобы получить высокий пост, если таково его желание. Дивер ничего больше не сказал. Миз пошел к Рейгану и предложил дать Кейси пост директора ЦРУ, а также включить занимаемый им пост директора центральной разведки в состав правительства.

– Я не против, – сказал Рейган. В этом заключалось его участие во всем этом деле, помимо того что он сделал соответствующее предложение Кейси по телефону.

Кейси дал весьма сдержанный ответ. Он сказал избранному президенту, что должен подумать и посоветоваться со своей женой Софией.

– Хорошо, – проявив терпение, ответил Рейган, но позднее он выразил удивление. Что происходит? Он полагал, что все уже урегулировано, а тут все еще нет ясности, хочет Кейси получить ЦРУ или нет.

В небольшом, скромно обставленном офисе на улице «К» в центре деловой части Вашингтона худощавый, хорошо сохранившийся мужчина с присущими ему чертами прочно устоявшегося достоинства и лоска следил за победным шествием Рейгана к президентской власти с большим, хотя и беспристрастным интересом. Он сильно щурил глаза, что означало: он думал. Он умел основательно думать. На нем был тщательно отглаженный темный костюм с обязательным платочком в нагрудном кармане, темные носки, которые держались на старомодных подвязках, хорошо, но неброско начищенные ботинки. Его седые волосы были заче-

саны назад и довольно сильно набриолинены по моде минувшей эры, но тем не менее несколько завитков выступали над воротником рубашки.

Табличка на двери гласила: «Сафир компани». Так называлась фирма, дававшая консультации по международным делам. «Сафир» на языке фарси означает «посол». Мужчина был послом в Иране с 1973 по 1976 г. Для человека, незнакомого с манерой его поведения, он мог показаться несколько нервозным. Но для знающих его эта нервозность означала внимательность. Он весь превращался в слух и зрение, когда говорил по телефону, участвовал в продолжительных обедах со старыми друзьями, выслушивал какие-либо новые аргументы, внимательно читал газеты, включая и сообщения на частные темы, например о назначении нового министра обороны в Греции, о результатах голосования в норвежском парламенте, о состоянии японского торгового оборота. Он был разведчиком. Хотя и не по его нынешнему положению, но по характеру он оставался одержимым аналитиком информации.

Ричард Хелмс – один из наиболее устоявшихся символов, центральная фигура многих противоречивых тенденций и легенд ЦРУ, направил всю мощь своего аналитического ума на перемены в Белом доме. Все связи, привязанности, убеждения, все прошлое Хелмса были связаны с ЦРУ. Он служил в Управлении стратегических служб во время Второй мировой войны. Он поступил в ЦРУ в 1947 г., когда оно создавалось. Он принял руководство оперативным управлением ЦРУ после провала операции против Кубы в Заливе свиней (в то время эта должность называлась заместитель директора по планированию). Наконец, он являлся директором центральной разведки с 1966 по 1973 г., во время войны во Вьетнаме, не в ее начале или в конце, а в самые мучительные средние годы. Хелмс захватил и начало уотергейтского скандала, хотя Никсон и задвинул его послом в Иран еще до окончания этого дела.

Сейчас, в 1980 г., ЦРУ наверняка предстоит еще один поворот в его деятельности. Новый президент может изменить положение этого ведомства: либо восстановит его былое значение, либо еще больше принизит. Кандидатом на пост главы ЦРУ, на стороне которого стоял Хелмс, был Билл Кейси. Кейси мог стать защитником традиций.

Хелмс знал его уже тридцать пять лет, с тех дней, когда они начинали службу в УСС, будучи в Лондоне. Прибыв туда в 1945 г., Хелмс получил назначение в подразделение под началом Кейси. Получилось так, что у Хелмса не оказалось пристанища. «Какого черта, приезжай и живи у нас», – сказал Кейси. Для Хелмса это «какого черта, приезжай и живи у нас» явилось показателем подхода Кейси к вставшим перед ним проблемам: быстрые и эффективные решения, дружелюбная и располагающая манера общения, никаких формальностей, все элементарно просто при полном презрении к субординации и правилам этикета.

Хелмс редко виделся с Кейси в последний год войны, оба были слишком заняты по работе. Как он считал, приобретенный Кейси опыт во время работы в УСС дал ему фундаментальные познания в области разведки. Их обучали англичане, и традиции ЦРУ были английскими традициями. Секретная служба – это молчаливая служба. Хелмс часто говаривал: «Мы – молчаливая служба, и молчание начинается здесь». Кейси понимал, какие чувства испытывали Хелмс и его коллеги после расследования деятельности ЦРУ комитетами Чёрча и Пайка в конгрессе и комиссией Рокфеллера. Хелмс считал, что не было никакой нужды в устных и письменных показаниях, затребованных конгрессом, во всех тех бумагах, которые пошли туда. В былые времена никто в ЦРУ даже не помышлял о том, чтобы написать книгу о деятельности этого ведомства. А за последние десять лет их появилось сразу несколько. Для Хелмса это было просто непостижимо.

В ЦРУ каждый был готов пойти на любой риск, связанный с разведывательной работой. Но никто и представить себе не мог, что опасность придет со стороны собственного правительства, что собственное правительство так внезапно изменит свое отношение к ЦРУ. Как говорил Хелмс, он натер себе мозоли на мягком месте, сидя в самолетах между Ираном и США по бесчисленным вызовам на допросы, пока, наконец, на последнем его не «съели». Три года тому

назад он мог, но не опротестовал обвинение в судебно наказуемом проступке по уголовному делу № 77–650 «Соединенные Штаты Америки против Ричарда М. Хелмса», предъявленное ему за дачу «неполных и недостаточных» показаний в сенатском комитете по расследованию тайных операций ЦРУ в Чили во время президентства Никсона. Приговор гласил: 2 тысячи долларов штрафа и два года тюрьмы условно. И сопровождался целой лекцией судьи, который обвинил Хелмса в «неуважении» к суду.

В заявлении для прессы адвокат Хелмса Эдвард Беннет Уильямс сказал, что его подзащитный будет «нести этот приговор как символ чести, как знамя». Хелмс и старался так держаться. К тому же существовали думающие люди, расценивавшие все обвинения против него как несправедливые. По их мнению, Хелмс старался сохранить тайну, удержать сведения о скрытой операции, проводившейся по указанию президента, подальше от чужих ушей. Критерием для распространения информации о деликатных разведывательных акциях всегда служила степень того, насколько адресат такой информации действительно нуждался в ней для своей работы. Даже президенты и директора центральной разведки часто не входили в число лиц, которым сообщались все детали: имена источников, техника получения информации и т. п. Простой здравый смысл заставил его уйти от ответов на вопросы по этой операции в Чили. Он так и поступил.

И все же воспоминания о том, что он отказался опротестовать обвинение, причиняли неприятные ощущения. Это все-таки было пятно на его репутации, хотя число выступивших в его поддержку впечатляло. Четыре сотни отставных разведчиков встретили его продолжительной овацией в Кенвуд-клубе, штат Мэриленд, где в конце встречи две корзинки для мусора оказались набитыми наличными и чеками для уплаты штрафа в 2 тысячи долларов. И тем не менее что-то в этом деле не сходилось, не увязывалось. Существовало какое-то противоречие между обязательством хранить секреты и охотой за секретами со стороны конгресса. Какие там у них новые правила? И эти новые правила не ставят под угрозу особо важные секреты?

Кейси – это свой парень с соседней улицы, крепкий нью-йоркский мужик, а Нью-Йорк, по мнению Хелмса, – это состоятельный город. Но город одиночек. Либо ты держишься на поверхности, либо идешь ко дну. Кейси там продержался. Кейси не был чистоплюем. Нельзя быть чистоплюем и одновременно директором центральной разведки – это Хелмс постиг во время событий в Заливе свиней от братьев Кеннеди. Братья Кеннеди хотели только результатов. Они хотели, чтобы Кастро убрали, а как – на это они много слов не тратили. Если бы Хелмс, руководивший в то время тайными операциями в ЦРУ, сказал, что это невозможно, его бы самого убрали.

Со времени Второй мировой войны ремесло шпионажа претерпело изменения. Кейси предстояло многому научиться. Разведывательные спутники, например, означали, что, как это однажды сформулировал Хелмс, «мы будем и дальше шпионить, но не заглядывая во все дырки ниже пояса, а глядя сверху на ваши головы».

Хелмс знал достаточно много, чтобы не говорить ничего, ни слова, даже косвенно, даже за кулисами, даже своему старому сожителю по квартире. Он мог бы погубить все шансы Кейси, а вот помочь ему – едва ли. Поэтому он сделал то, что ему лучше всего удавалось в течение столь многих лет. Он промолчал.

Сенатор Барри Голдуотер, олицетворявший собой заскорузлую совесть республиканской партии, чуть ли не завопил от восторга, узнав о победе Рейгана на президентских выборах. Он считал, что связан особыми узами с Рейганом, что именно он, Голдуотер, был крестным отцом Рейгана как политика. В 1964 г. Рейган произнес нашумевшую, транслировавшуюся на всю страну и целиком направленную против тогдашнего правительства получасовую речь в поддержку кандидатуры Голдуотера на пост президента. Президентские выборы 1980 г., по оценке Голдуотера, стали его реваншем за тогдашнее поражение. Голдуотер испытывал такое чувство, как будто его младший брат въезжает в Белый дом. Кроме того, с победой Рейгана

республиканцы получали, наконец, большинство в сенате, что значительно усиливало политическое существование Г олдуотера.

Вице-председатель сенатского комитета по разведке во времена правления Картера в Белом доме, а Тэрнера в ЦРУ, Голдуотер, которому шел семьдесят первый год, становился теперь председателем этого комитета, могущественного органа, рожденного в ходе расследования 70-х гг. Будучи членом комитета Чёрча, он наотрез отказался подписать доклады этого комитета, считая их чересчур праведными и поучающими по тону. По его мнению, ЦРУ и так набросали достаточно дерьма на порог.

Голдуотер, загорелый мужчина с модной прической и начальственными манерами, как бы обрел второе дыхание. Несмотря на проблемы с ногами, которые почти бездействовали со времени покушения на него, в его движениях стал проявляться свежий прилив энергии, в голосе вновь появились металлические нотки.

Он предложил: на пост директора центральной разведки надо найти человека, которому можно полностью доверять, сделать его хранителем секретов, а конгресс и близко не подпускать к делам ЦРУ.

Став председателем комитета по разведке, Голдуотер первым делом ввел в состав комитета своего лучшего друга, генерал-лейтенанта в отставке Уильяма Куинна, определив ему пост внештатного консультанта. Выпускник вест-пойнтской военной академии 1933 г., офицер разведки во время Второй мировой войны и первый заместитель начальника разведывательного управления министерства обороны, Куинн имел общительный нрав, старомодные манеры, но в то же время решительный и твердый характер. Он был другом семьи и собутыльником Голдуотера. Жена Голдуотера терпеть не могла Вашингтон и редко там бывала. Голдуотер дважды в неделю приглашал Куинна и его жену Бетти на коктейль и обед. Они также регулярно проводили вместе выходные дни на ферме Голдуотера на восточном побережье в штате Мэриленд.

Куинн сыграл важную, хотя и никем не воспетую роль в истории разведки США. После войны подполковник Куинн руководил подразделением стратегической службы, в задачи которого входило, в частности, прикрывать операции Управления стратегических служб. Голдуотер восхищался тем, как Куинн в 1946 г. совершил марш-бросок в конгресс, запросил пятиминутное закрытое заседание комитета по разведке с жалобой на скудный бюджет его подразделения и выбил дополнительно 8 миллионов долларов, причем неподотчетных, для оплаты секретных источников. Зная, что законодатели любят слушать секретные сведения, он поделился с ними кое-какой информацией о своих источниках. Одним из них была уборщица в штаб-квартире русских в Берлине, которая выуживала важные разведывательные данные из мусорных корзинок. Второй – шифровальщик посольства одной страны, который давал американцам читать все сообщения другой крупной страны. Третий, сотрудник еще одного посольства, получил 10 тысяч долларов за план действий советского военно-морского флота на Балтике в случае войны.

Закрытое заседание комитета по разведке длилось около двадцати минут, а его результатом явилось то, что Куинн направил 8 миллионов долларов на сохранение основного ядра собственных агентов и источников для ЦРУ, которое было создано в следующем, 1947 г.

Хотя сообщение о предстоящем назначении Кейси на пост директора центральной разведки уже появилось в газетах, Голдуотер не согласился с таким выбором. У него имелся собственный кандидат. «Бобби, – сказал он Куинну, – им должен стать Бобби».

«Бобби» он называл адмирала Бобби Рэя Инмэна, возглавлявшего Агентство национальной безопасности при Картере в течение последних четырех лет. АНБ – крупнейшее и самое засекреченное разведывательное ведомство с бюджетом, в несколько раз превышавшим ассигнования для ЦРУ. Его расползшаяся во все стороны штаб-квартира в Форт-Джордж Мид, штат Мэриленд, осуществляла руководство всеми постами и станциями подслушивания в мировых масштабах как на земной поверхности, так и на орбитальных спутниках. АНБ, как орехи, щел-

кало шифровальные коды врагов и друзей, оно всегда находилось на передовых рубежах новой технологии. Агентство не имело шпионов, так сказать, в человеческом облике и сравнительно легко отделалось во времена расследований деятельности ЦРУ.

Голдуотер считал Инмэна разведывательным гением, человеком, который разбирался в науке, политике и людской природе. Он также хорошо знал конгресс и имел там многочисленные связи.

За двадцать восемь лет службы на флоте Инмэн прошел через все офицерские звания и поднялся до «трехзвездного» адмирала. Он стал единственным специалистом по разведке, получившим должность старшего помощника заместителя министра военно-морских сил (1972–1973 гг.) – пост, на который обычно назначались офицеры, имевшие опыт командования кораблем. Затем он стал начальником разведки ВМС (1974–1976 гг.), а позднее – человеком № 2 в разведывательном управлении Пентагона (1976–1977 гг.), после чего принял руководство АНБ. В разведывательном деле Инмэн всегда сохранял холодный ум. Он превосходно разбирался во всем, от новейшего спутника-шпиона до бюрократических махинаций, необходимых для того, чтобы запустить в дело разведывательные программы. И плюс ко всему обладал феноменальной памятью.

С его мальчишеской белозубой улыбкой, большой головой, очками с толстыми стеклами, Инмэн выглядел как ставший взрослым сорванец. Он являлся одним из немногих официальных лиц из разведывательной службы, который мог, поговорив с репортерами, отвлечь их интерес от того, что компрометировало разведку. Он сам своими руками выпестовал все важные связи в конгрессе. Голдуотер не мог припомнить такого случая, когда Инмэн не прореагировал бы на телефонный звонок или не проконтролировал ответ на него, за исключением тех редких случаев, когда он не знал, в чем дело.

Голдуотер обстоятельно поговорил с Куинном насчет Инмэна. Он очень хотел добиться его назначения на пост директора ЦРУ. «Я весьма заинтересован в этом, – сказал он. – Безопасность страны должна быть выше политики. Здесь Бобби на своем месте. Он вне политики. Он – преданный своему делу моряк и как нельзя лучше подходит для этой работы.

Куинн любил Голдуотера и не стеснялся откровенно говорить ему, если тот в чем-то заблуждался, но что касается Инмэна, тут он был согласен. Голдуотер решил поговорить по этому вопросу с Рейганом.

Ему не стоило труда устроить встречу с новым президентом, во время которой он со всем энтузиазмом изложил свою идею насчет назначения Инмэна. Это самый способный человек в разведке, сказал он, высшего класса. Рейган выслушал, но, по-видимому, остался при своем мнении. Голдуотер ударил во все колокола, сказав, что если Инмэн станет директором центральной разведки, то для людей с Капитолийского холма[6] все разведывательные дела будут под замком и новая администрация может быть уверена в этом.

Рейган ответил, что он предпочитает «аутсайдера», а Билл Кейси именно таковым и является.

Голдуотер намекнул, что это назначение следует считать возвратом ему старого долга.

В игривом тоне, избегая столкновения, Рейган покончил с этим вопросом, сказав: «Вам предстоит иметь дело с Кейси».

Голдуотер рассказал все Куинну. «Барри, – ответил тот, – не следует недооценивать Билла Кейси. Он ведь не вчера родился».

Голдуотер пережил столько разочарований в политике, что ясно отдавал себе отчет: это не самое крупное. Но он не видел никаких причин для отказа и был раздражен.

Куинн сказал, что Кейси всегда считался знатоком разведки, всегда поддерживал контакты с разведслужбами, включая разведывательное управление министерства обороны еще

[6] Место в Вашингтоне, где расположен конгресс. – *Прим. перев.*

во время его становления в начале 60-х гг. В 1964 г. именно Кейси способствовал тому, чтобы Куинн получил премию Уильяма Донована, основателя Управления стратегических служб, отца американской разведки. Однако все эти сведения особой радости Голдуотеру все-таки не доставили.

Куинн добавил, что Кейси испытывает глубокую любовь к искусству разведки, восхищается силой фактов и информации, верностью делу и эффективной отдачей, что должно быть присуще каждому разведчику. Сказал, что Кейси является страстным любителем интриги и что он обожает закулисные дела; что выступать под маской – его любимое занятие и он настоящий мастер танца на острие ножа. На все это Голдуотер сказал: «Черт, кто-то его здорово тянет наверх».

Протеже Голдуотера – Инмэн следил за всеми сражениями переходного периода с другой стороны планеты. Он находился в Новой Зеландии на одной из станций подслушивания АНБ. Его прельщала возможность стать директором центральной разведки у Рейгана. Он также отлично знал, что в лице Голдуотера имеет мощную поддержку. Обладая спокойной, даже несколько холодной внешностью, он в глубине души был страстным, неугомонным и честолюбивым человеком.

Каждый день, кроме воскресенья, Инмэн вставал в 4 часа утра. Эти ранние утренние часы, когда ему никто не мешал, он посвящал размышлениям и чтению. Сущность хорошей разведывательной работы заключалась в умении предвидеть. Конечно, все заранее рассчитать нельзя, но надо быть в курсе событий и готовым ко всяким возможным изменениям, даже находясь в Новой Зеландии.

АНБ стояло как остров в океане. Являясь в основном военной организацией и составной частью министерства обороны, Агентство национальной безопасности в какой-то степени подчинялось и директору центральной разведки, в обязанности которого входила координация бюджетов разведслужб, разработка задач и установка их приоритетности. Поскольку АНБ находилось как бы в положении пасынка, Инмэн считал своим долгом взять на себя все связи АНБ с внешним миром. Для этого он, как заправский лоббист, обрабатывал Белый дом, конгресс, Пентагон, вел большую работу с прессой.

Инмэн сумел держать директора центральной разведки Тэриера в стороне от дел АНБ благодаря своим влиятельным связям в администрации Картера. Он, конечно, следил за тем, чтобы советник по национальной безопасности Бжезинский регулярно получал материалы перехвата каналов связи, которые он так любил, но в то же время твердо считал, что АНБ должно в первую очередь работать на министерство обороны и держать в центре внимания вопросы военной информации. В этом он видел ключ к решению главной задачи – раннего предупреждения опасности войны.

Там, в Новой Зеландии, Инмэна и застал телефонный звонок от Уильяма Миддендорфа, который по поручению Рейгана возглавлял переходную группу в ЦРУ. Миддендорф был министром военно-морского флота, когда Инмэн возглавлял разведку ВМС. Миддендорф сказал, что, судя по всему, директором центральной разведки станет Кейси. Правда, об этом еще не объявлено. В голосе Миддендорфа звучала неуверенность. А звонил он, чтобы узнать, не согласится ли Инмэн занять пост № 2 в ЦРУ – пост заместителя директора центральной разведки.

Инмэн отклонил это предложение. Он намерен будущим летом уйти с военной службы. Он знал, что в силу традиции ему как офицеру разведки больше трех звезд не получить.

От сделанного ему предложения он отказался с легким сердцем. Быть заместителем его совершенно не устраивало, и вообще он рассматривал администрацию Рейгана просто как противовес правлению Картера. Картер, по его мнению, питал слишком много иллюзий насчет Советского Союза, а у Рейгана их было слишком мало. Золотой середины, которую предпочитал Инмэн, не было ни у ого, ни у другого.

Спустя несколько дней, когда Инмэн уже вернулся в Вашингтон, Миддендорф повторил свое предложение. Вежливо, но решительно Инмэн вновь отклонил его. Ему скоро пятьдесят, и в этом возрасте он вполне может еще попробовать начать новую карьеру, например в акомнибудь бизнесе.

До Хелмса доходили все разговоры насчет Инмэна, и он захотел увидеться с ним лично. Он мало знал Инмэна, поскольку ушел из ЦРУ в 1973 г., за год до того, как тот стал руководителем военно-морской разведки. Хелмс попросил Джека Мори, бывшего специалиста в ЦРУ по Советскому Союзу, организовать ему обед с Инмэном. Мори в свое время слыл в ЦРУ как всеми любимый, всегда бодрый, всегда в твидовом костюме милый парень из обеспеченной семьи в штате Виргиния. Он прослужил в ЦРУ 28 лет, из них последние шесть – на посту связного Хелмса с конгрессом, как раз накануне расследований.

Инмэн посчитал, что это приглашение означает его вхождение в клуб элиты. Ведь там были оперработники по тайным операциям, с которыми у него были далеко не самые лучшие отношения. Между ЦРУ и АНБ существовало соперничество: люди в ЦРУ против машин в АНБ, Джеймс Бонд против безымянного дешифровальщика в стеклянном стакане, опутанном проводами.

Во время обеда выяснилось, что у Инмэна и Хелмса абсолютно одинаковые взгляды на цели и задачи разведывательных служб. Оба признали, что ошибки были, в том числе и на счету Хелмса. Они заключались в неспособности предупредить президента и конгресс, что назревают неприятности. Они согласились, что максимально раннее предупреждение, исключающее сюрпризы, – это то, для чего существует разведка. «Это – все, и на этом все держится», – сказал Хелмс своим мягким голосом, помахав для убедительности тонким указательным пальцем. Ясно, что президент и конгресс по-другому отнеслись бы к ЦРУ и АНБ, даже в случае проведения расследования, если бы получили от них своевременное предупреждение.

Хелмс ушел с обеда, будучи убежденным, что Инмэн – смышленый и здравомыслящий человек и мог бы составить хорошее пополнение в разведывательной команде Рейгана.

Между тем Инмэн увидел на горизонте признаки новых неприятностей. На пост советника по национальной безопасности, который до этого занимал Бжезинский, а затем Киссинджер, намечался Ричард Аллен. Это был правый республиканец с крайне обостренным чувством подозрительности. Он в узком кругу утверждал, что АНБ и Инмэн, в частности, подслушивали его телефонные разговоры в период смены власти и передавали их содержание в Белый дом Картеру. Инмэн знал, что это абсолютно несправедливое, абсурдное обвинение. Он внимательно следил за тем, чтобы АНБ не вело разведывательной работы в США, причем это правило распространялось и на зарубежные телефонные переговоры американских граждан. Правило гласило: перехваченные сведения не могут использоваться или распространяться, если они не дают основания полагать, что имеют отношение к шпионажу или преступлению. Инмэн считал, что ему следует обойти молчанием обвинения Аллена. Он не хотел столкновения с новым советником по национальной безопасности. Но параноидные заскоки Аллена все же озадачили его. Аллен был близок к некоторым членам «переходной команды» ЦРУ, которые распространяли истерический бред о том, что решения комитета Чёрча, вступившие в силу при администрации Картера и наложившие некоторые ограничения на спецслужбы США, якобы не позволяли выследить шпиона или собрать нужную информацию.

Избранный вице-президентом Джордж Буш передал Инмэну известие, что Рейган прислушивается к голосам этих экстремистов. И самым тревожным стало известие о визите шефа французской разведки к новому президенту США и его слова насчет того, что ЦРУ доверять нельзя.

Инмэн почувствовал, что он находится в зоне перекрестного огня. Будущий министр обороны Уайнбергер попросил его зайти и предложил ему четвертую адмиральскую звезду и пост начальника разведки министерства, то есть что-то вроде надзирателя и над АНБ, и над

разведуправлением Пентагона. Как подозревал Инмэн, это будет никчемная работа, еще одна прокладка между руководством министерства обороны и верховной властью. Вскоре сделанное ему предложение приняло форму просьбы уйти в отставку и согласиться на должность помощника министра обороны по руководству всей разведслужбой Пентагона. То же самое, только в другой упаковке. Инмэн вновь ответил отказом.

А Кейси все еще раздумывал над предложением Рейгана насчет поста директора центральной разведки. Он бродил по улицам Нью-Йорка, снова наслаждаясь всей полнотой жизни этого города. Его бодрил свежий воздух осени, однако возвращение сюда его не радовало. Обычно принятие решений мало волновало Кейси, но что касается этого, то тут он ощутил потребность зарезервировать несколько дней на размышления.

В 1975 г., когда он ушел с поста руководителя экспортно-импортного банка, где ему открывался доступ в центральный клуб банкиров, он не ожидал, да и не планировал возвращение в Вашингтон, чтобы работать и жить там. Годы, проведенные им на службе у правительства, то есть с 1971 по 1975 г., были довольно скандальными.

Как он считал, его контакт с администрацией Никсона втянул его в водоворот всяких расследований. В связи с разбирательством дела Международной телефонной и телеграфной компании (ИТТ) в 1972 г. (в это время Кейси возглавлял Комиссию по ценным бумагам) он стал объектом расследования по делу о лжесвидетельствах. «Главной фигурой в расследовании случаев лжесвидетельства является Уильям Кейси», – говорилось в секретном меморандуме специального прокурора по делу «уотергейт». Кейси организовал пересылку в министерство юстиции тридцати четырех ящиков документации ИТТ и тринадцати «деликатных в политическом отношении» документов из межведомственной переписки, вырвав их из рук конгресса, рассматривавшего вопрос о вызове президента в суд.

Заместитель министра юстиции клялся, что идея переслать эти документы принадлежит Кейси. Кейси же все отрицал и в своих показаниях заявил, что министерство юстиции само затребовало документы. В меморандуме прокурора говорилось, что «все показания Кейси являются лживыми как в отношении его дел с министерством юстиции, так и с Дином» (имелся в иду бывший тогда советником Никсона Джон Дин).

Обвинение против Кейси так и не выдвинули. Он был маленькой рыбешкой. Хотя в меморандуме его показания неоднократно характеризовались как «вводящие в заблуждение», прокурор приходил к выводу, что обвинение против Кейси «имеет так мало шансов на успех, что его просто незачем выдвигать». Кейси считал все дело глупостью, но оно заставило его стать более осторожным.

Были и другие осложнения в связи с расследованиями. Министр юстиции в администрации Никсона Митчел и главный сборщик средств в фонд никсоновской избирательной кампании Морис Стэнз нарвались на обвинение, позже, правда, снятое, в получении 200 тысяч долларов в фонд кампании от международного афериста Роберта Веско, который пытался оказать влияние на одну из операций Кейси по линии Комиссии по ценным бумагам. Как уверял Кейси своих друзей, ни одно расследование ему хлопот не доставляло. Он выступал свидетелем обвинения на процессе против Митчела и приветственно помахал ему рукой, выходя давать свои показания. К нему так ничего и не прилипло. Но времена «уотергейта» были не лучшими в его жизни. Кейси и София вернулись в Нью-Йорк, и наиболее любимым изречением Кейси первое время были слова: «Вы знаете, чем хорош Вашингтон? Тем, что он всего в часе езды от Нью-Йорка».

Два года спустя они продали Народной Республике Бангладеш за 550 тысяч долларов свой дом на Массачусетс-авеню, «посольской» улице Вашингтона. София, его жена вот уже в течение сорока лет, небольшого роста седоволосая женщина, всегда выступавшая в его поддержку, говорила, что никогда не простит ему продажу этого дома. Если им придется вернуться в Вашингтон, куда они приедут?

Жизнь в Нью-Йорке ограничивалась в основном пределами его фамильной усадьбы «Мэйнолл» на северном побережье Лонг-Айленда. Он давно жаждал такого времяпрепровождения, особенно по выходным дням, среди любимых книг или на ближайшей площадке для гольфа. Кейси плохо играл в гольф, на каждую лунку он тратил на два удара сверх обычной нормы. Но ему нравился сам процесс игры, пребывание на свежем воздухе.

Здесь у него было много друзей, а его единственная дочь Бернадетт, которой было уже за 30, испытывала большую привязанность к родительскому дому. Три года тому назад они за 350 тысяч долларов купили дом во Флориде для проживания там в зимнее время. Так что Кейси не имел оснований быть недовольным своей жизнью.

За несколько лет до того, как Кейси вступил в избирательную кампанию Рейгана, он начал писать еще одну книгу, которую считал лучшей из всех, под предварительным заголовком «Подпольная война против Гитлера». В рукописи на 600 страницах подробно излагалась шпионская деятельность Управления стратегических служб во время Второй мировой войны. Там фигурировали два главных героя – на первом месте сам Кейси, на втором – тот, кого Кейси считал своим учителем и даже названым отцом, – генерал Уильям Донован, по прозвищу Дикий Билл. Кейси с любовью нарисовал образ основателя Управления стратегических служб, человека-коротышку с кроткими голубыми глазами, но с неудержимым любопытством и энергией.

Донован был вдвое старше тридцатилетнего лейтенанта Кейси, когда они встретились в Вашингтоне в 1943 г., но генерал не обращал внимания на разницу в возрасте, воинском звании, образовательном уровне и социальном происхождении. Донован прежде всего хотел знать, чего может добиться человек, с которым он имел дело. Засчитывался только результат. «Идеальное – это враг хорошего», – любил говорить Донован. Кейси пошел бы за ним в огонь и воду. Донован всегда появлялся в местах ответственных операций, в том числе во всех районах высадки или наступления войск союзников, как будто это была очередная премьера на Бродвее.

Донован возложил на Кейси большую ответственность в ходе последних шести месяцев войны. Кейси как-то написал докладную записку, в которой подчеркивал, что Управление стратегических служб должно быть готово к наращиванию агентурной сети в Германии. Донован также стремился к быстрейшему созданию агентуры за германской линией фронта, и он назначил Кейси шефом секретной разведки на европейском театре военных действий. Насколько мог припомнить Кейси, единственный приказ Донована гласил:

«Забросьте несколько ребят в Германию». Там, где не хватало каких-то деталей, пробелы заполнялись могуществом ведомства. Кейси – в то время ему был всего 31 год, – имел звание старшего лейтенанта – командовал полковниками и в общем на равных обращался с нглийскими и американскими генералами. Освобожденный по приказу сверху от обязанности носить военную форму, он получил направление в фешенебельный универмаг «Селфридж» на Оксфорд-стрит в Лондоне, где приобрел костюм серого цвета, чтобы если уж не скрыть, то хотя бы завуалировать разницу в звании со своими партнерами.

Кейси дотошно вникал во все детали организации шпионажа. Отбор надежных шпионов доставлял много трудностей. Американцы не хотели, чтобы они оказались в штаб-квартире гестапо в центре Берлина. Отобрали около сорока антифашистов из числа военнопленных. Это являлось нарушением Женевской конвенции, но Кейси и глазом не моргнул. Надо – и все.

Большого искусства требовало создание прикрытий и средств связи. Хорошо помогали в этом деле лондонские архивы с их вырезками из немецких газет, снабжавшими агентов информацией о жизни в Германии. Документы подделывались, на одежду пришивались немецкие этикетки. Но без каналов связи шпионы не могли принести пользу. Был разработан и запущен в дело передатчик малой мощности для связи с летающими над районом действий агента самолетами. Кейси неустанно требовал самолеты для заброски агентуры и связи с ними. Он лично проверял время, карты маршрутов передвижения агентов и даже таблицы с фазами

луны. Кейси создал отдел разведывательной информации с задачей точно определить, какие сведения требовались от агентуры. Эти сведения не отличались точностью, и надо было сбалансировать требования командования союзников – а оно хотело иметь протоколы сегодняшнего утреннего совещания в гитлеровском генеральном штабе – с тем, что имелось в наличии. На первом месте стояли сведения о передвижениях немецких войск через главные железнодорожные узлы, дававшие наиболее четкое представление о планах и заботах Гитлера. На втором – возможные цели для бомбардировочной авиации. Кейси всегда сам провожал своих агентов на задание.

В феврале 1945 г. в Берлине действовали два агента. В следующем месяце Кейси имел там тридцать агентурных групп. Как он писал в своем дневнике, «это была шахматная игра против часовой стрелки». Одна группа под кодовым названием «Шофер» использовала в своей шпионской работе проституток. Что делать, шла война.

Сейчас, когда ему пришлось задуматься над возможностью занять пост директора центральной разведки, Кейси попытался как-то суммировать все то, что он знал о разведке. Он лично называл эту работу «сложным процессом создания картины из мозаики». Куски и кусочки – вот из чего состоял разведывательный ребус. Бывало, что на самом деле все шло не так, как ожидалось. Вывод можно было сделать, если кусков и кусочков имелось много, но приходить к какому-то заключению на основании малого их количества значило совершить ошибку.

После освобождения Германии во время поездки от Мюнхена, по всему югу страны, до Пльзеня его поразило то, что повсюду виднелись белые флаги. Простыни, полотенца, рубашки. Никто же не требовал от немцев такой демонстрации самоунижения. Это выглядело как издевательство над мыслью о том, что еще недавно это была раса господ, хозяев. Та Германия, которую он представлял, сидя в Лондоне и расставляя свои шпионские сети, больше не существовала.

В своей последней книге Кейси писал: «Разведка все еще является очень неопределенным, изменчивым и трудным ремеслом, так же как и ее продукция». Он писал, что помимо сбора информации, оценки ее достоверности, изучения того, насколько она вписывается в уже имеющуюся информацию – та самая «мозаика», – и определения ее значимости, разведка включает также привлечение максимального внимания к своей работе и ее результатам и на этой основе пробивание нужных ей решений. Разведчик не должен быть пассивным. Как считал Кейси, огромным просчетом является ограничение роли разведки или разведчика. Сбор, просеивание, распространение информации – это только начало. «После всего этого, – писал Кейси, – надо, чтобы он начал действовать».

Он не мог удержаться от того, чтобы не написать несколько нелюбезных слов об администрации Картера: «Именно сейчас, когда мы выступаем за права человека даже в странах, которые не угрожают нам, мы скрываем от глаз общественности полученные нами фотографии лагерей рабского труда в Сибири». Существуют моральные параметры разведки, которых нельзя избежать. Как представлял себе Кейси, существуют и моральные параметры жизни вообще, от которых также не уйти. Он съездил в Дахау через несколько дней после его освобождения в апреле 1945 г. Он никогда не сможет забыть горы ботинок, костей, разлагающейся человеческой кожи. И такое люди творили с другими людьми?! Невообразимо. Это было подтверждением существовавшего в мире зла. В мире существовали противоположные стороны, и каждый должен был сделать выбор.

Размышляя, Кейси все более приходил к выводу, что он хочет вернуться к разведывательной работе. Взлет Рейгана должен вести вперед, а не к отступлению, необходимо хирургическое вмешательство, чтобы покончить с сопротивлением сил прошлого. Приняв пост директора центральной разведки, Кейси получит шанс выступить с призывом к большему пониманию по

отношению к миру тайн и секретов. Адмирал Тэрнер был в этом мире чужаком. Он же придет туда как свой человек, соратник.

Беседа Кейси с женой заняла всего десять минут. Она назвала работу в разведке его «любовным романом». Он позвонил Рейгану и сказал: «Да».

Глава 2

Кейси поселился в номере «люкс» отеля «Джефферсон» в центре Вашингтона за несколько недель до его официального назначения. Эти недели имели для него большое значение, они давали возможность заглянуть за кулисы и спокойно осмотреться. Он обладал общим представлением о том, чем занимается ЦРУ, но ему не хватало деталей, от которых, несомненно, все и зависело.

Его осведомленность в секретных вопросах за период после Второй мировой войны ограничивалась небольшим кругом сведений. В 1969 г. президент Никсон назначил его членом консультативного совета при Агентстве по контролю над вооружениями и разоружению. Как положено, Кейси расписался тогда в документе, который обязывал его хранить тайну и давал ему доступ к совершенно секретной информации по контролю над вооружениями, получаемой с разведывательных спутников. Он понял, что спутники являются одним из новых чудес техники, и старался как можно больше узнать о них. За несколько лет до того он в течение года входил в состав президентского консультативного совета по внешней разведке, наделенного большой властью общественного органа старейшин, которым Белый дом был когда-то и чем-то обязан. Этот совет также получил доступ к некоторым секретам, взамен чего он обязывался провести для президента ревизию деятельности всех разведывательных ведомств и служб США.

Владелец отеля «Джефферсон» Эдвард Уильямс, один из наиболее известных адвокатов по уголовным делам, защищавший в свое время Хелмса, как-то зашел повидать его. Кейси нравилась его шумливая болтовня с похлопыванием по плечу, разыгрываемая им роль плутоватого демократа со столь же плутоватым республиканцем Кейси. Уильямс входил вместе с Кейси в упомянутый консультативный президентский совет и, как все, с кем уже встречался Кейси, имел свое весьма решительное мнение о его новой работе. В Вашингтоне Уильямс был влиятельной фигурой: спектр его клиентуры простирался от президента профсоюза водителей грузовиков Джимми Хоффа до журналистов из редакции «Вашингтон пост».

С присущей ему эмоциональностью Уильямс говорил Кейси, что американская разведка была раздроблена в щебенку, причем не только Картером, а еще раньше, Фордом. Размахивая своим большим кулаком, Уильямс употребил слово «демонтирована», то самое выражение, которое использовалось в политической платформе республиканцев в 1980 г. Во время администрации Форда Советы перехватывали телефонные переговоры почти полдюжины учреждений в Вашингтоне и его окрестностях. Американской разведке удалось установить, какие сведения получили Советы от этих телефонных перехватов и что было передано в Москву. Но фордовское министерство юстиции сотворило постановление, запрещавшее ФБР и АНБ продолжать эту практику, с тем чтобы защитить частную жизнь американцев. Уильямс находил это нелепым: Советы могли записывать переговоры, а разведслужбы США – нет.

– Они залезают к нам в карман, а мы даже не можем посмотреть, что они там взяли, – сказал Уильямс. Кейси кивнул.

Разведывательная информация, знание планов и возможностей другой стороны является наиболее важной составной частью в достижении выигрыша, доказывал Уильямс. В тренерском тоне он сказал:

– Вам надо знать. Если вы не знаете, вы мертвы. Касаясь ЦРУ, Уильямс сказал со свойственным ему классическим преувеличением:

– Теперешнее ЦРУ как большая, хорошая собака, которую сбил грузовик. Остается только сказать: да, это была отличная собака, пока не попала под машину.

Кейси выразился в том духе, что «отличную собаку», о которой говорил Уильямс, надо оживить.

Затем Кейси позвонил своему старому сослуживцу по УСС, с которым он когда-то делил пристанище, Ричарду Хелмсу, и предупредил: звонок официальный.

Хорошо, подумал Хелмс. Чертовски хорошо. Превосходно. Они договорились пообедать вместе в понедельник 1 декабря.

В течение нескольких лет после возвращения из Ирана Хелмс много раздумывал над своим пребыванием в ЦРУ, особенно на посту директора. Он часто, стараясь держаться подальше от любопытных глаз и ушей, встречался с бывшими коллегами, ворошил воспоминания и постоянно вел дискуссию с самим собой по этому вопросу. Год назад вышла и встретила хороший прием книга Томаса Пауэрса под заголовком «Человек, хранивший секреты: Ричард Хелмс и ЦРУ». Как отмечали некоторые критики, книга действительно показала, что значило быть директором центральной разведки. Ерунда. Этого не мог знать никто. Он остался при своем мнении, даже когда его жена Синтия и три ведущих консервативных обозревателя сказали ему, каждый в отдельности, что книга написана блестяще. Он не мог заставить себя согласиться, это не состыковывалось с тем, до чего он дошел сам. Он уже писал мемуары, которые постоянно пересматривал и приводил в соответствие со временем. Рассказывая о потаенных событиях своей жизни, он приводил какие-то фрагменты встреч, обрывки разговоров на совещаниях в Белом доме с их неуловимыми оттенками.

Хелмс полагал, что все его проблемы на посту директора центральной разведки проистекали из того простого факта, что ни с одним из президентов, которым он служил, он не имел по-настоящему хороших личных отношений. Его отказ от опротестования предъявленного ему обвинения в совершении судебно наказуемых действий явился как раз следствием такого положения.

Хелмс раскопал свои записи о встрече с Никсоном 15 сентября 1970 г., когда президент лично приказал провести тайную подрывную акцию в Чили.

Никсон прямо сказал, что марксистский кандидат Сальвадор Альенде не должен занять высший пост в этой стране. Интересно, много ли людей видели президента США на точке кипения? А это был как раз тот самый случай. Что он, Хелмс, мог сделать? Не выполнить приказ? Вот выдержка из тогдашних записей. «Пусть будет один шанс из десяти, – говорил Никсон. – Но спасите Чили!.. 10 миллионов долларов уже есть, надо – будет больше… Заставьте их экономику визжать».

Если ему не изменяет память, он тогда ответил: «Вы ставите передо мной почти непосильную задачу». Действительно, это была тайная акция, обреченная на неудачу: слишком поздно, нет времени на подготовку.

Хороший приятель Хелмса Киссинджер позже сказал ему, что слова Никсона не следует воспринимать буквально и уж во всяком случае расценивать как приказ. Никсон часто выражал так свое отношение к событиям, когда они шли вразрез с его надеждами. Сколько раз Киссинджер слышал от него: «Сделайте же что-нибудь, Генри!» По словам Киссинджера, Никсон не всегда говорил то, что думал. Хелмс, к сожалению, этого не знал и покинул Белый дом в тот день 1970 г., расценив слова президента именно как приказ. Как он потом говорил: «Если я когда-либо и выходил из Белого дома с маршальским жезлом в ранце, то это произошло именно в тот день». Сейчас он сожалел, что сказал эти слова.

Первоисточником приказа Никсона были его отношения с Дональдом Кендаллом, председателем и исполнительным директором фирмы «Пепсико», которая имела в Чили предприятие по розливу пепси-колы. Их отношения имели давнюю историю, еще с тех времен, когда Никсон начал адвокатскую практику в Нью-Йорке, а Кендалл передал ему полный корпоративный отчет фирмы.

Операция против Альенде была продиктована исключительно интересами бизнеса: Кендалл и другие фирмы США не желали видеть марксистского лидера в Чили. Поэтому-то и подверглись Хелмс и ЦРУ президентской атаке, а впоследствии, когда Хелмса допрашивали в

сенатском комитете, его молчание частично стало выходом из того затруднительного положения, в котором оказались ЦРУ, президент и сам Хелмс. Ему не удалось предотвратить самую неприятную тайную акцию со времен Залива свиней. Он нарушил свое собственное правило: «Тайная акция – это как дьявольски сильный наркотик. Он хорошо действует, но в больших дозах смертелен». Аллен Даллес, директор центральной разведки при Эйзенхауэре, говорил: «Если вы хотите получить мини-ЦРУ, какое-то заброшенное агентство в дальнем запыленном углу, то отмените тайные операции. Президенты всегда хотят иметь скрытный путь для некоторых дел. И именно так ЦРУ может латать дыры в отношениях с Белым домом».

Хелмс всегда стоял за президента, за всех президентов. Хотя он попытался спорить с Ричардом Никсоном, что, по словам Хелмса, означало «бросать слова на ветер», он был готов подчиниться. И Хелмс согласился, когда Никсон сказал ему: «Я не хочу, чтобы ваше богом проклятое ЦРУ делало какую-то политику». ЦРУ должно служить президентам, которые делают внешнюю и военную политику. Люди из поколения Хелмса, включая Кейси, знали, что приказы должны выполняться.

«Возможно, мы получали слишком много приказов от президентов, – заметил как-то Хелмс, но тут же с гордостью добавил: – Однако мы им подчинялись». И если приказ гласил идти в пекло, значит, так тому и быть. Если приказывалось изжариться в этом пекле, тоже, значит, так тому и быть. Другого пути не существовало. Так и Хелмс пошел в пекло. Пришел его черед. Это был всего лишь штрафной талон за неправильную парковку, а знак отличия – дуэльный шрам.

Как догадывался Хелмс, Кейси на посту директора центральной разведки сможет располагать какой-то поддержкой президента. Кейси вроде бы все знал об истории избирательной кампании своего нового шефа. Поэтому во время обеда Хелмс решил не касаться всех этих вопросов. Он сам терпеть не мог, когда ему заглядывали через плечо. Так что, готовясь к обеду с Кейси, Хелмс твердо решил отказаться от всего, что напоминало бы лекцию. Он не хотел учить Кейси, как есть яйца всмятку, не хотел выступать в роли ментора. Уж лучше помалкивать.

Но существовал один вопрос, в котором Хелмс мог бы помочь, не выступая в роли ментора. Это люди. Его сын Дэннис во время учебы в колледже проходил летом стажировку в ЦРУ. Однажды он сказал отцу, что ему повезло с работой в ЦРУ. Хелмс спросил почему. Ответ он не забыл до сих пор: «Потому что там цивилизованные люди». Да, считал он, это было так. В ЦРУ преобладал дух порядочности, оно служило барьером против тупого упорства, обмана, попыток нечестной игры на международном поприще. В служебных делах и отношениях люди ЦРУ все были как жена Цезаря – никакой лжи, только честность.

В понедельник 1 декабря в назначенное время Хелмс позвонил у двери номера Кейси в «Джефферсоне». Они тепло поприветствовали друг друга. Кейси все еще был полон приятных воспоминаний об одержанной победе на президентских выборах. Его радовало и окрыляло то, что он оказался на большой волне истории, стал одним из инструментов в революции Рейгана.

– Билл, ты отлично выглядишь, и это прекрасно, – улыбаясь, сказал Хелмс. Когда он улыбался или смеялся, его глаза почти закрывались, как будто Хелмс в этом радостном моменте усматривал какое-то космическое значение.

Официант принял у них заказ.

Кейси не нуждался в напоминании о том, что ЦРУ прошло через суровые испытания за последнее десятилетие: «уотергейт», расследования, адмирал Тэрнер. Как считал Хелмс, никто не хотел подвергать риску свою карьеру, а может, и жизнь. Им-то хорошо известно, что крупные разведывательные операции всегда связаны с риском. Кейси согласился. Поскольку назначение на руководящие должности в ЦРУ имеет исключительно большое значение, он хочет спросить Хелмса, считает ли тот правильным выбор Инмэна на пост заместителя.

Хелмс ответил, что трудности могут возникнуть в конгрессе. Сейчас ведь не то что до расследований. Этот вопрос в конгрессе нужно хорошо подработать, заручиться поддержкой. Хелмс рассказал о своей единственной встрече с Инмэном несколько недель тому назад. Он произвел на Хелмса впечатление здравомыслящего человека и может хорошо прийтись ко двору: хорошие отношения с Голдуотером, опыт работы в Агентстве национальной безопасности, знание технической стороны разведки, в чем Кейси, наверно, не очень хорошо разбирается, – это все плюсы. Инмэн также отлично знал военную разведку, что немаловажно, поскольку Пентагон постоянно обеспечивал себе какую-то долю в разведывательном «пироге». Смысл взять Инмэна есть.

Кейси в ответ сказал, что он не совсем уверен в этом и что поэтому хочет еще подумать.

Хелмс посчитал ненужным продолжать разговор на эту тему. Зачем ему нужно проталкивать на такой высокий пост человека, с которым он встретился всего один раз? Кроме того, он почувствовал сопротивление Кейси.

– Послушай, – продолжал Хелмс, – почему бы тебе не обзавестись парой-другой людей, которые могли бы помочь тебе, с которыми ты мог бы проконсультироваться? Столько разных и подчас скользких вопросов потребуют внимания, что очень просто сделать неверный шаг, получив неверный совет. А хороший советчик был бы полезен.

Кейси вроде бы согласился. «Кого-нибудь с исторической перспективой», – добавил Хелмс. «Да, именно», – ответил Кейси.

Хелмс как раз знает одного такого человека. Хороший малый, Кейси знал его во время войны, серьезный, надежный парень, который не допустит утечки сведений о замыслах и действиях Кейси. Джон Бросс.

Лицо Кейси засветилось. Превосходный человек. Кейси знал Бросса, когда тот работал в военной разведке во время Второй мировой войны. В своей только что завершенной рукописи о тайной войне против Гитлера Кейси характеризовал Бросса как мягкого, спокойного человека с изысканными манерами, который в то же время был специалистом по диверсиям и рукопашному бою.

Хелмс предложил Бросса, поскольку тот двадцать лет проработал в ЦРУ, в том числе в качестве начальника отдела в оперативном управлении и инспектора-ревизора, хорошо знал все сферы разведки, отличался спокойной манерой в разговоре и не болтал лишнего, а кроме того, являлся юристом. Что особенно важно, Бросс не считался ни правым, ни левым, а опасность грозила ЦРУ как справа, так и слева. Возможно, в 70-х гг. левые сумели вырваться вперед, вызвав неприятности расследования. Но правые тоже могут по-своему навредить. Хелмса беспокоил еще один вопрос, который он не затронул, поскольку не хотел читать лекцию, к тому же этот вопрос не поднимался его собеседником. Когда в 1966 г. Линдон Джонсон назначил Хелмса директором центральной разведки, вытащив его из рядовых правительственных чиновников, он велел Хелмсу ехать в Лэнгли[7] и как следует побить посуду, хорошенько встряхнуть там все, кое-кого вышвырнуть. Хелмс счел это ненужным. Слишком велика была вера в планы по реорганизации. В 1966 г. реорганизация ничего не дала, и Хелмс подозревал, что она ничего не даст и в 1980 г. Но Бросс сможет присмотреть за этим. И его ничто не поджимает, материально он независим и живет у реки Потомак, в нескольких милях от штаб-квартиры ЦРУ.

Кейси нацарапал имя Бросса на салфетке и сказал, что он немедленно свяжется с ним.

Они так и не затронули действительно чувствительные вопросы до конца обеда.

Хелмс оценил Кейси как пучок противоречий. Однако он не обнаружил никакого волнения у будущего директора ЦРУ. По неясным для него самого причинам у Хелмса создалось впечатление, что в действительности Кейси хотел стать государственным секретарем.

---

[7] Место под Вашингтоном, где расположена штаб-квартира ЦРУ. – *Прим. перев.*

Вскоре Кейси уехал из отеля «Джефферсон» по настоянию службы безопасности ЦРУ. Совсем недалеко, на 16-й улице, находилось советское посольство, а у них имелась технология настройки высокочувствительных электронных устройств на нужную цель через параболические антенны, что давало возможность подслушивать разговоры Кейси.

Уильямс высмеял эти опасения, сказав Кейси, что Советам едва ли повезет больше, чем кому бы то ни было, в асшифровке его невнятного бормотания.

Звонок Кейси настиг Джона Бросса в его старом беспорядочно выстроенном доме. Кейси подтвердил, что он будет директором центральной разведки при Рейгане, и пригласил Бросса войти в состав «переходной команды» ЦРУ, а также оказывать ему помощь в течение ближайших месяцев. Броссу было 69 лет, и ему, может быть, предоставлялась последняя возможность послужить своему ведомству. Он сразу же согласился. Это назначение он счел даже одним из самых важных в его карьере. У новой администрации всегда есть новые идеи, и некоторые из них могут оказаться опасными.

Бросс имел общительный характер и являлся членом-основателем клуба ветеранов по наблюдению за разведкой – могущественной ассоциации бывших разведчиков, которая, хотя и неофициально, влезла в дела ЦРУ, стремясь по мере возможности содействовать его благополучию. Он также дилетантствовал в обществе бывших чиновников в области внешней политики. Его часто включали в какие-нибудь советы, комиссии, просто в частные мероприятия.

По мнению Бросса, выбор, павший на Кейси, имел солидную основу. Он знал Кейси с 1943 г., и с тех пор они регулярно поддерживали контакты. Как-то в 0-х гг. Бросс пригласил на обед пару тяжеловесов в области внешней политики. На обеде присутствовал и Кейси. Один из приглашенных, классический «истребитель Советов», отвел Бросса в сторону и сказал о Кейси: «Этот человек действительно понимает, что я говорю». На следующий день другой гость, из числа умеренных, выразил Броссу свое удовольствие тем, как Кейси понимает его аргументацию. Кейси не был фанатиком одной идеи. Бросс может нажить на этом капитал, хотя он понимал, что ему придется говорить, словно через забор. Выпускник Гарвардского университета 1933 г. и юридической школы при том же университете в 1936 г., Бросс являл собой типичного представителя восточных штатов Америки, а Кейси был боевым ирландцем. Связующим звеном служил Донован, их любимый старый руководитель. Бросс видел, что Кейси создавал себя по образцу Донована, а в качестве главных черт характера Донована выступали лояльность и нтенсивные личные отношения. Бросс решил отдать себя полностью в распоряжение Кейси. И он знал, что Кейси раскроется ему навстречу. Это был один из принципов Донована: создавай и воспитывай.

Броссу пришлось поездить, чтобы составить представление о «переходной команде». Ее руководителя Миддендорфа он счел бесполезной фигурой. Три приданных «команде» помощника, все республиканцы из сенатского комитета по разведке, включая крайне правого «изрыгателя огня» по имени Анджело Кодевилья, занимались писанием бумаг в атакующем стиле. По их планам, ЦРУ надлежало разделить на три части. Первая – это элитный отдел тайных операций с задачей разрабатывать и вести секретные войны против Советов с целью разрушения их планов. Этот отдел должен значительно увеличить число шпионов, вывести всех сотрудников ЦРУ за рубежом из-под посольского прикрытия и посадить их под неофициальную «крышу» – деловые и консультативные фирмы. Вторая часть – отдел анализа и активных мероприятий, в задачу которого должно, в частности, входить сталкивание и натравливание отдельных групп населения, организаций и учреждений друг против друга для достижения нужных ЦРУ целей. Третья часть, и эту идею энергично поддерживал Миддендорф, должна стать неким суперагентством, объединяющим контрразведывательные функции ФБР и ЦРУ. Это последнее предложение Бросс считал катастрофически опасным, поскольку оно вовлекало ЦРУ в разведку внутри США.

Правоэкстремистские помощники при переходной группе, по мнению Бросса, слишком долго находились в оппозиции и разучились самостоятельно добиваться чего-то своего. Они явно преувеличивали свою роль, составляя планы, которые разрушили бы целостность ЦРУ. Бросс также понял, что его появление не встретило энтузиазма, что его считают престарелым ветераном, все еще цепляющимся за концепцию 50-х гг. о бесконечности состояния «холодной войны». Переходная группа замышляла план, как выиграть эту войну, не понимая, что заходить в этом деле слишком далеко означает большой риск. Никакого чувства равновесия. Броссу придется проделать огромную миссионерскую работу, если он хочет не допустить, чтобы новый директор центральной разведки попал под влияние этих правых.

В качестве следующего шага Кейси связался с Уильямом Колби, бывшим директором центральной разведки в течение наиболее бурных тридцати месяцев существования ЦРУ в 1973–1975 гг. Последние дни «уотергейта», падение Никсона, целый год расследований. Под его руководством произошла утечка документов и секретов в конгресс. Возможно, у него не было выбора, но все было воспринято так, что он нарушил кодекс молчания, что он совершил самое страшное грехопадение – предал сослуживцев. Столкнувшись с официальным расследованием и с тем, что он считал почти истеричным давлением общественности и рессы, Колби передал в министерство юстиции информацию, послужившую поводом для обвинения Хелмса. Наблюдавшие за всем этим ветераны сочли это уже слишком. Это все равно, как если бы папа римский оклеветал своего предшественника.

Кейси не встречался с Колби во время войны, но они знали друг друга по линии организации ветеранов разведки, а среди них не встречалось случайных, ни к чему не обязывающих знакомств. Они все сидели в одном вагоне.

После высадки в Нормандии Колби спрыгнул на парашюте за линией фронта в составе одной из команд «Джедберг» (Джедберг – городок в Шотландии, известный своей воинственностью и статьей в юридическом кодексе, которая гласила: «Сначала повесить, потом судить»).

Кейси сказал Колби, что он берется за дело и хотел бы поговорить. Колби принял приглашение прийти в штаб-квартиру Рейгана и намеревался быть откровенным. Уже пять лет, как он ушел из ЦРУ, после того как президент Форд уволил его за то, что он был на капитанском мостике, когда ЦРУ налетело на расследования и наружу выплыли многие секреты.

Колби слыл вежливым мужчиной, который всегда реагировал на телефонные звонки, сам открывал двери посетителям и всем всегда улыбался, причем каждому по-своему. Небольшого роста, худощавый, в простых военных лет, очках, Колби совсем не походил на человека из ЦРУ, и уж никак не на директора. Одеть его в халат, дать ему в руки расческу и ножницы, и он вполне сошел бы за провинциального парикмахера с картины Нормана Рокуэлла. Он имел хорошее образование – университеты в Филадельфии и Принстоне в 40-х гг., ученая степень по юриспруденции в Колумбийском университете в 1947 г. Когда он снимал очки, его внешность менялась. В ней проступала твердость, даже жесткость, взгляд становился резким, хотя и невозмутимым, даже холодным. В нем действительно чувствовался отпечаток юридического кодекса Джедберга.

Когда ему кто-либо, не имеющий доступа или необходимости знать это, задавал вопрос, касающийся секретных дел ЦРУ, лицо Колби как бы сжималось, исчезало за очками и даже за глазницами. Он разводил ладони, плечи поднимались к самым ушам. Он не помнит. Он не может ничего сказать. Это не по его части. Полное отрицание всего, и те, кто его знал, понимали: дальше заходить нельзя. Прохода нет.

Чем хитрее становился вопрос, тем изощреннее становились его увертки. Если хотя бы поза или выражение лица могли дать основание для какого-то вывода, он просто уходил в молчание и неподвижность. Эмоции являются врагом оперативного работника ЦРУ. В своей автобиографии, озаглавленной «Честный человек» и опубликованной в 1978 г., он причислял себя

к «серым людям» ЦРУ, тем, которые, не привлекая к себе внимания, умели четко и эффективно выполнять поставленные перед ними задачи.

Когда проводились расследования деятельности разведслужб, Колби принял особые меры, чтобы как можно больше ограничить вмешательство в дела Агентства национальной безопасности. АНБ расшифровывало гораздо больше секретных кодов и перехватывало гораздо больше каналов связи, чем мог себе представить человек со стороны. Оно было главным «добытчиком продукции», как Колби называл разведывательную работу. Если он и проявил где-то настоящую ловкость рук, так это в том, чтобы не дать проникнуть в дела АНБ. В ходе расследований деятельность Агентства осталась ненаписанной главой, и Колби радовался этому. АНБ действовало по твердым правилам, но степень его вторжения в дела всего мира, даже в частные, не поддавалась полной оценке для непосвященного. Колби полагал, что у Кейси самые стоящие шансы взять на себя ЦРУ. У него лучшие верительные грамоты, чем у «любого из нас» (имелись в виду члены разведывательного сообщества). Кейси представлял собой хорошую смесь: историк (Колби читал его малоизвестную книгу об освободительной войне в США «Где и как проходила война»), юрист (у Колби на столе лежал его справочник для адвокатов), человек, видимо, хорошо знакомый с внешнеполитическими делами и умеющий рисковать. В результате многих часов и бесконечных лет самоанализа после ухода из ЦРУ Колби пришел к мысли, что он, возможно, недостаточно рисковал за время работы там. А вот Кейси будет рисковать. И у него будет исключительно важная личная связь с президентом, которая обеспечит доступ к нему.

В штаб-квартире Рейгана в запущенной, явно давно не ремонтированной комнате Колби энергично поприветствовал Кейси. Их рукопожатие напоминало передачу эстафеты.

– Вы как нельзя больше подходите для этого, – сказал Колби. – Ваши отношения с президентом – это большой плюс.

Он помолчал и добавил:

– Это отличная работа для вас.

Кейси, видимо, намеревался больше слушать. Какие у Колби были ошибки? Его оценки? Его советы?

– Послушайте, – начал Колби, – вы можете организовать эту чертову контору, как вы хотите. Она существует только для того, чтобы слушать вас. Вся работа заключается в том, чтобы давать рекомендации президенту. Вы будете присутствовать на заседаниях Совета национальной безопасности в Белом доме, но вы существуете сами по себе. Вам надо знать, что происходит, и у вас всегда, в юбой момент, должна быть готовая оценка. Хороший совет в кризисной ситуации – это важно, но это игра с мячом, а своевременный анализ – это все.

Кейси выглядел слегка ошеломленным, но продолжал слушать с большим вниманием.

– Вы – офицер разведки при президенте, – сказал Колби, – в этом заключается ваша работа. Делайте ее хорошо, а все другое приложится. Всю бюрократическую возню пусть делают другие. Разведчик не должен сидеть молча в уголке в Белом доме, когда на обсуждение ставятся различные варианты политики. Директор центральной разведки – это не главный игрок при определении политики, но очень важно подать свой голос, когда у него есть четкая и нужная линия.

Вам необходим аналитический центр, который мог бы правильно ставить вопросы, – продолжал Колби, – а нынешнее соответствующее управление организовано неверно, по дисциплинам: политика, экономика, военные дела, вопросы ядерной стратегии – как в университете.

Я не намерен учить вас, как вести дела на вашей железнодорожной станции, – закончил он. Но если бы ему пришлось вернуться в кресло ДЦР, он реорганизовал бы отдел анализа по географическому принципу. Там должны быть эксперты, которые могли бы взвешивать и анализировать обстановку в стране или регионе в целом. Однажды он проводил совещание с

участием шестнадцати экспертов, каждый был специалистом в своей области. Но только он один мог видеть всю картину в ее совокупности.

А этих башковитых людей не поощряют к тому, чтобы они со своими толковыми умами выходили за пределы их узких коридоров.

Качество рекомендаций президенту зависит от наличия хорошего анализа, подчеркнул Колби. Многие элементы, необходимые для такого анализа, являются открытыми, и их легко найти в прессе. Увязывая их с разведывательными данными, можно получать хорошие результаты. Хорошо обработанная информация и точный прогноз должны побуждать политиков предпринимать шаги, необходимые для предотвращения проблематичных или кризисных ситуаций. Говорят, что будущее предсказать нельзя, но именно в этом состоит работа ЦРУ, и оно должно делать ее каждый день.

– Персонал в управлении хороший, – сказал Колби. – Очень талантливые люди. Все они обладают высокой степенью лояльности и будут верно служить вам. Но будьте осторожны. Вы можете заездить персонал.

Как сказал далее Колби, отдельные управления – аналитическое, оперативное и техническое – очень оторваны друг от друга. Начальники этих управлений занимаются только своим делом. Он выступал против этого, но недостаточно энергично.

Особенно это касается оперативного управления. Он сам вышел оттуда, одно время руководил им. Это закрытое подразделение, вещь в себе, сказал Колби. Очень высоко ставится групповая лояльность. Но сила ЦРУ слагается из работы заграничных резидентур, которыми руководит оперативное управление. Довольно молодые люди за границей, часто в возрасте от 30 до 40 лет, становясь руководителями резидентур, должны заниматься вопросами управления, безопасности, секретными операциями, иногда дипломатией, причем постоянно рискуя. Они руководят и несут большую ответственность в сравнении с сотрудниками госдепартамента, которые контролируют только своих секретарей, а каждый их шаг определяется телеграммой из госдепа.

Тайные акции необходимы и могут быть полезными. Организация пропагандистской кампании или тайной политической поддержки какому-нибудь борющемуся за свое место под солнцем центристу часто имеет смысл. Тайная акция, в основных чертах совпадающая с провозглашенной политикой администрации, может сработать. Если произойдет утечка сведений о такой акции, это не явится большим сюрпризом и критика будет минимальной. Но должна существовать какая-то естественная опорная база в стране, где проводится тайная акция: движение сопротивления или политическая оппозиция. ЦРУ не может создавать чего-либо подобного.

Вообще-то, он не большой сторонник тайных операций. Во время его пребывания на посту ДЦР они считались даже грязным занятием. В 50-х гг. на тайные акции уходило 50% бюджета ЦРУ. Когда он уходил, эта доля снизилась до 4%. У Кейси и Колби создалось впечатление, что уходящая администрация Картера за последние год-два активизировалась в проведении тайных акций.

Колби перешел к отношениям с конгрессом, с которым ему пришлось хорошо познакомиться: в последний год его службы конгресс отнимал у него половину рабочего времени. С новыми комитетами по разведке в общем все в порядке, договоренности с ними действуют нормально. Сейчас важно, чтобы конгресс через посредство этих комитетов с пониманием относился к тому, чем занимается разведка. Этого можно достичь, если делиться с ним секретами. Поэтому необходимо и возможно регулировать этот процесс так, чтобы свести к минимуму риск и все же добиться понимания.

Оставался еще один вопрос, самый важный: Советский Союз. Это – «крепкий орешек» для разведки. Колби отметил, что Советы уже не могут держать свою страну и общество плотно закрытыми, как в прежние времена. Хотя, к сожалению, в Москве не издается что-либо подоб-

ное американскому журналу «Авиэйшн уик», который регулярно публикует секретные технические и военные сведения, но возможности для работы в России постепенно открываются.

– Но помните, – сказал Колби, – хотя вы располагаете великолепной техникой, надо работать в плане агентурного проникновения. Это трудно. Никому еще не удалось пробраться в «святая святых» – в руководящие круги Советского Союза. Может быть, Кейси это удастся. Разговаривая с Кейси, который, как Колби знал, был знаменит своей готовностью идти на финансовый и деловой риск, он решил подбросить ему приманку: «Это стоит даже кое-каких потерь». Кейси вроде понял, о чем идет речь.

Любая вербовка в Советском Союзе может обернуться агентом-двойником, подчеркнул Колби. «Если повезет, вы, может быть, найдете таких людей, но даже если вы обожжетесь, работу все равно надо продолжать. Она жизненно необходима, и сейчас самое время за нее взяться. И вы, Кейси, – тот человек, который сможет это сделать».

Кейси кивнул, глядя на Колби так пристально и внимательно, как будто они проводили сеанс психотерапии.

– Вы больше не беспокойтесь насчет последствий 70-х гг., – сказал Колби. Он хотел убрать с дороги Кейси это неприятное прошлое. – Смело принимайтесь за работу.

Кейси сказал, что, возможно, ему в будущем придется еще обратиться к Колби за советом. Разговор шел в исключительно дружеском тоне. На равных. Ничто не стояло между ними. Вот только говорил Кейси очень мало. Колби ушел с твердым убеждением, что Кейси – хороший выбор.

После разговора с Колби новый ДЦР подумал, что теперь надо позвонить Стэну Тэрнеру.

– Стэн, – сказал он, – слухи о том, что я тебя заменю, были неверными пару недель назад, но сейчас они стали верными. Пришло время принимать у тебя дела – я буду новым директором центральной разведки.

– Отлично, – сказал Тэрнер. От поздравлений он воздержался. В его кабинете был один из его заместителей, а он хотел сохранить пока в тайне эту новость, решив, что он сам сообщит ее своим людям в подходящее время.

Кейси слегка озадачила столь холодная реакция Тэрнера, но они договорились встретиться. Все-таки Тэрнер странный человек, подумал Кейси. Надо будет как можно меньше общаться с ним во время переходного периода.

9 декабря Кейси явился в кабинет Тэрнера в старом здании штаб-квартиры ЦРУ на четвертом этаже. Он шел как-то неуверенно, короткими шажками, как будто у него были стерты ноги или ему насыпали в каждый ботинок по пригоршне камней. Но настроен он был хорошо, даже очень хорошо.

– Пусть Рональд Рейган и захотел стать президентом в 69 лет, – начал Кейси, – но я совсем не хочу стать государственным секретарем в 67, учитывая все эти поездки и всю эту дипломатию.

Его рука как бы запорхала в воздухе. Этот неуклюжий жест пожилого человека словно должен был означать нечто большее, чем просто разницу в десять лет между ним и Тэрнером.

Кейси не привез с собой никаких записей, никакого списка вопросов, так что Тэрнер решил взять повестку дня встречи на себя. Внешне Кейси не проявлял особого интереса к беседе, но время от времени из-за его очков прорывался очень проницательный взгляд.

– Ты не возражаешь, если меня введут в правительство? – спросил Кейси. Включение должности ДЦР в состав кабинета было тем условием, при котором Кейси согласился ее принять, хотя он и не сказал этого Тэрнеру.

Тэрнер ответил, что хотя ДЦР сейчас и не является членом правительства, Рейган может легко изменить такое положение. Однако оклад останется ниже министерского что-нибудь на 10 тысяч долларов, если только конгресс не увеличит его.

От статуса члена правительства Кейси ни за что не отступится, а 10 тысяч долларов для него значения не имеют.

Во время их разговора позвонил советник по безопасности Бжезинский. Видимо, Тэрнер не хотел демонстрировать Кейси грязное белье администрации Картера. Он извинился и вышел в другую комнату, чтобы ответить на звонок.

Кейси находил это странным. Всем было известно, что отношения между Тэрнером и Бжезинским далеко не всегда ладились, хотя адмиралу надлежало бы поддерживать их на нормальном уровне. Присутствуя на правительственных брифингах, Кейси смог уловить, в чем тут дело.

Тэрнер предсказывал, что Советы вторгнутся в Польшу под предлогом военных маневров. Он располагал достаточно четкими фотографиями, показывающими концентрацию советских вооруженных сил на границе, а кроме того, у него были и сверхсекретные источники в Польше. В США все находились в состоянии повышенной готовности. Бжезинский начал открытую кампанию, чтобы предупредить остальной мир и запугать Советы. Он засыпал Советский Союз косвенными, направленными через Францию и Индию дипломатическими предостережениями. Но он хотел обосновать свои демарши секретной информацией, а Тэрнер возражал против этого. Каждый раз, когда Бжезинский намеревался опубликовать какие-то детали или заявить что-то в тоне абсолютной уверенности в своей правоте, оказывался под угрозой либо источник, либо метод получения информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.